

Глава вторая. 'Странная война'.

Разгром Польши. Объявление Англией и Францией войны Германии

Нападение гитлеровской армии на Польшу поставило на повестку дня выполнение ее союзниками — Англией и Францией — своих обязательств, в первую очередь объявление войны Германии. Но английское и французское правительства не торопились: они не теряли надежд мирно договориться с Гитлером за счет Польши. Вторжение германских вооруженных сил на территорию Польши лишь усилило рвение англо-французской дипломатии в этом отношении. Партнером Чемберлена и Даладьё в дни, когда уже лилась кровь польского народа, стал Муссолини. Фашистский диктатор, осознававший неподготовленность Италии к большой войне, был готов оттянуть ее начало, чтобы продвинуть вперед вооружение страны.

Гитлеровцы, однако, шли напролом. В своей речи в рейхстаге Гитлер истерически заявил, что он либо вернется победителем, либо «не вернется совсем». А своим командующим он разъяснил, что польская кампания будет локализована: ни Англия, ни Франция не поднимут оружия в защиту своего восточного союзника. Ибо, говорил Гитлер, сейчас существуют благоприятные возможности, чтобы разделаться с Польшей,—он, Муссолини и Франко находятся у власти, а «ни в Англии, ни во Франции не было ни одного выдающегося руководителя». 3 сентября Гитлер отклонил предложение Муссолини созвать конференцию для «мирного» расчленения Польши.

Тем временем правящие круги Великобритании и Франции испытывали все возрастающий нажим общественности, требовавшей объявить войну Германии. Неопределенные заявления Чемберлена о политике Англии поставили его перед лицом бунта в парламенте, который грозил смести правительство. Оппозиция вызывалась двоякими причинами: с одной стороны, нельзя было пройти мимо требований демократических сил, с другой— наиболее дальновидные представители британской буржуазии отдавали себе отчет в том, что новое отступление перед Гитлером смертельно опасно для суверенитета страны. После выступлений Чемберлена 1 и 2 сентября в палате общин ему было прямо брошено обвинение в том, что правительство пытается избежать войны с Германией. Даже закоренелый мюнхенец министр финансов Саймон понял, что дальнейшее промедление приведет к падению правительства. Он сказал в эти дни американскому послу в Лондоне Кеннеди: «Если правительство выступит поборником любого мира, оно немедленно будет сброшено собственным народом, который преисполнен решимости продолжать борьбу».

Во Франции обстановка накалялась с каждым часом. Выражая мнение французского народа, парламентская группа французской коммунистической партии еще 25 августа по инициативе М. Тореза приняла резолюцию: «Коммунисты заявляют о своей твердой решимости встать в первые ряды борцов с фашистской агрессией и защитников свободы, национальной независимости, основ демократии и культуры». Жалкие увертки одного из основных деятелей мюнхенского толка — министра иностранных дел Боннэ — вызывали возрастающее возмущение. Давление масс заставило правительство Чемберлена объявить 3 сентября, что с 11 часов утра Великобритания находится в состоянии войны с Германией. В 5 часов вечера последовало аналогичное заявление французского правительства.

Если бы Англия и Франция действительно собирались воевать с Германией, решение это создало бы катастрофическое положение для гитлеровцев. Начиная войну против Польши, германское командование сосредоточило против нее практически всю боевую мощь вермахта. На Западе в недостроенных укреплениях «линии Зигфрида» остались незначительные силы прикрытия. Если против Польши действовали 57 германских кадровых дивизий и две бригады, в том числе все имевшиеся в Германии танковые и моторизированные (соответственно 6 и 8), то западную границу Германии охраняли 23 плохо обученные и слабо вооруженные резервные дивизии. Немецкая авиация фактически вся была отправлена на Восток, на Западе осталось небольшое число разведчиков и устаревших истребителей. Хотя в сентябре 1939 г. английскую сухопутную армию практически не приходилось принимать в расчет, французские вооруженные силы могли самостоятельно нанести сокрушительный удар на Западе. Они располагали 65 кадровыми и 45 резервными дивизиями. Оценивая тогдашнее соотношение сил, бывший гитлеровский генерал Вестфаль отмечает: «Если бы французская армия предприняла крупное наступление на широком фронте против слабых немецких войск, прикрывавших границу (их трудно назвать более мягко, чем силы охранения), то почти не подлежит сомнению, что она прорвала бы немецкую оборону, особенно в первые десять дней сентября. Такое наступление, начатое до переброски значительных сил немецких войск из Польши на Запад, почти наверняка дало бы возможность французам легко дойти до Рейна и, может быть, даже форсировать его».

Когда 1 сентября германские войска пересекли польскую границу, они с первых часов кампании одержали значительные успехи.

Вермахт имел численное превосходство и далеко оставлял позади польскую армию в материально-техническом оснащении. Дорогу гитлеровским войскам прокладывали 2500 танков, поддерживавшиеся двумя тысячами самолетов. Поляки имели 900 танков, в большинстве легких, и танкеток, вооруженных пулеметами; польская авиация насчитывала около 1000 машин, в основном устаревших. Польской армии не хватало не только тяжелой и зенитной артиллерии, но и обычной дивизионной и полковой. Огневая мощь польской пехотной дивизии в три раза уступала огневой мощи немецкой пехотной дивизии.

Польская авиация, застигнутая врасплох на аэродромах, была практически уничтожена. Полное господство в воздухе было захвачено уже к исходу второго дня войны, и германские военно-воздушные силы освободились для выполнения других задач, главной из которых было — сорвать завершение мобилизации польской армии и предотвратить крупные оперативные переброски войск по железным дорогам. Как ни парадоксально, союзники Польши — Англия и Франция — облегчили эту задачу гитлеровским ВВС. Польское правительство первоначально собиралось начать всеобщую мобилизацию 29 августа, однако под сильным нажимом Лондона и Парижа оно было вынуждено отказаться от своего намерения. В результате о мобилизации было объявлено только под вечер 30 августа, а первым днем мобилизации указано 31 августа. Было потеряно два драгоценных дня. В конечном счете из-за затяжки мобилизации и ударов немецкой авиации польская армия не смогла мобилизовать 10 из 40 дивизий, с которыми Польша должна была встретить войну.

Это значительно ослабило польские вооруженные силы.

Со всех фронтов в Варшаву, пока действовала связь, а она была нарушена очень скоро, притекали безрадостные вести. На польские войска обрушился ураган огня и стали, танковые колонны гитлеровцев, не заботясь о флангах, глубоко проникали в тыл

оборонявшихся. Пикирующие бомбардировщики тесно взаимодействовали с наступавшими танковыми и мотомеханизированными соединениями. К концу первой недели войны группа армий «Север» достигла позиций, прикрывавших с севера Варшаву, а группа армий «Юг» уже завязала бои на окраине столицы. К западу от линии Нарев—Висла в огромном котле осталась большая часть сильно потрепанной польской армии. 6 сентября польское правительство и главное командование, которое уже потеряло управление войсками, бежали из Варшавы в Люблин, оттуда они последовательно перебирались из города в город, пока не оказались в местечке Залешики на румынской границе, а 16 сентября вообще покинули страну, переехав в Румынию.

Страна была брошена на произвол судьбы своими правителями. Однако разрозненные польские части и гарнизоны продолжали мужественное сопротивление. Исключительную самоотверженность проявили защитники Варшавы.

Взбешенные стойкой обороной столицы, гитлеровцы подвергли город беспощадному артиллерийскому обстрелу и варварским бомбардировкам с воздуха. В первых рядах героических борцов находились коммунисты, которые шли на боевые посты, вырвавшись из тюрем. Коммунисты возглавили формирование рабочих батальонов, внесших большой вклад в оборону города. Пробиваясь к осажденной Варшаве, пал смертью храбрых видный деятель польской компартии Мариан Бучек, который сам бежал из тюрьмы и возглавил отряд бывших политзаключенных. В то время как правители панской Польши были озабочены переводом за границу своих капиталов, Мариан Бучек, томившийся 16 лет в тюрьмах санации, отдал свою жизнь за страну. Таких примеров героизма можно привести сотни. Варшава держалась до 28 сентября.

Польские солдаты и офицеры проявили беззаветный героизм в больших сражениях и вооруженных стычках. Однако в три недели польская армия была разгромлена, гитлеровцы захватили восточную часть страны, хотя отдельные очаги сопротивления продолжали борьбу. Гарнизон крепости Модлин держался до 28 сентября, героически сражалась горстка польских солдат аванпорта Гданьска — Вестерплатте.

Сентябрьская катастрофа была подготовлена всей двадцатилетней антинародной политикой санации, изолировавшей Польшу и подставившей ее под удар. В вооруженной борьбе с гитлеровскими ордами потерпел поражение не польский народ, была наголову разгромлена буржуазно-помещичья Польша. «Молния войны — говорил В. Гомулка, — осветила санационный карточный домик: экономические, технические и военные результаты 20 лет господства буржуазии и помещиков». Если правители Польши, обосновавшиеся в эмиграции с золотым запасом страны, выбросили лозунг. — «Стоять наготове, с винтовкой к ноге!», т. е. призывали выжидать, то польский народ развернул борьбу: с первых дней гитлеровской оккупации в Польше начало разгораться пламя партизанской войны против захватчиков.

Создание Советским Союзом основы «Восточного фронта»

Советское правительство зорко следило за событиями, развернувшимися у границ нашей страны. Крах буржуазно-помещичьей Польши создал смертельную угрозу для братских народов Западной Украины и Белоруссии. 17 сентября 1939 г. советские войска перешли границу распавшегося Польского государства и взяли под защиту население Западной Украины и Белоруссии. Граница Советского Союза была продвинута на сотни километров западнее. Распространению гитлеровской агрессии на Восток был положен конец. Это

имело огромное значение не только для государственной обороны Советского Союза, но и для всех свободолюбивых народов в дальнейшем.

Вслед за этим Советский Союз обезопасил подступы к своей тогдашней северо-западной границе. 28 сентября 1939 г. между СССР и Эстонией был подписан договор о взаимопомощи. Стороны обязались оказывать друг другу помощь, в том числе военную, в случае нападения на одну из них или угрозы нападения. Аналогичные договоры были заключены Советским Союзом 5 октября с Латвией и 10 октября с Литвой. Три прибалтийские государства предоставляли Советским Вооруженным Силам базы на своей территории. Все эти действия Советского правительства уже тогда были должным образом оценены политическими деятелями Запада, которых никак нельзя заподозрить в симпатиях к коммунизму. Выступая по радио 1 октября 1939 г., У. Черчилль вынужден был заявить: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть». Министр внутренних дел американского правительства Г. Икес пометил в своем дневнике 14 октября 1939 г.: «Я все более убеждаюсь в том, что.. (Россия) уничтожит в свою очередь Гитлера, даже если ему удастся уничтожить Францию и Великобританию». Так, уже в сентябре — октябре 1939 г. Советский Союз занял стратегические позиции, имевшие впоследствии неопределимое значение для судеб коалиционной войны против гитлеровской Германии.

Антисоветские интриги правительств западных стран в период «странной войны»

Хотя Англия и Франция 3 сентября 1939 г. объявили войну Германии, вести боевые действия они не собирались. Отчаянные просьбы польских представителей о помощи натолкнулись в Лондоне и Париже на ледяной прием. Поляки просили ускорить обещанное наступление на Западном фронте. Но боевые действия там ограничились слабой деятельностью французских патрулей, которая была полностью прекращена к 21 сентября. Поляки просили хотя бы провести бомбардировки военных объектов в Германии. Однако и это обращение было отклонено: действия англо-французской авиации над Германией ограничились разбрасыванием листовок. Наконец, поляки попросили срочно прислать оружие. Британский генерал Айронсайд, с которым польская миссия вела переговоры в Лондоне, ответил, что Англия сможет прислать оружие Польше не раньше, чем через 5—6 месяцев, и порекомендовал закупить его в нейтральных странах — таких, как Бельгия, Испания или Канада. Поляки обратились в Вашингтон, прося исключить Польшу из числа стран, попадающих под действие закона о «нейтралитете». Но и оттуда поступил отказ. Итак, западные державы, на словах горячо сочувствовавшие Польше, на деле толкнули ее в пропасть. В трудный час «западные друзья» отвернулись от Польши.

Как отмечает В. Гомулка, «эту удивительную инертность можно и следует объяснять прежде всего политическими соображениями. Польша была для мюнхенцев пешкой, которую они с легким сердцем пожертвовали в грязной игре, надеясь на то, что вермахт, быстро покорив нашу страну, окажется лицом к лицу с Советской Армией. Несколько иными средствами продолжались попытки реализовать концепцию, лежавшую в основе мюнхенской политики: толкнуть Третью империю против СССР». Разгром Польши создал общую германо-советскую границу, что, на взгляд западных политиков, облегчало возникновение войны между Германией и СССР. Этим объясняется положение вещей, которое сложилось после сентября 1939 г.: Англия и Франция формально находились в состоянии войны с Германией, но не вели с ней военных действий — то был период так называемой «странной войны». На фронте против фашизма царило полное затишье, но

внутри западных стран началось разнузданное наступление против прогрессивных сил, в первую очередь против коммунистов. Во Франции правительство Даладье 26 сентября 1939 г. издало декрет о запрещении деятельности коммунистической партии. По распоряжению правительства был прекращен выход коммунистических газет, многие коммунисты подверглись преследованию. Депутаты-коммунисты в парламенте были лишены мандатов, а некоторые — арестованы. Полтора миллиона французов, отдавших свои голоса коммунистам, не имели отныне представительства в парламенте. В Англии коммунисты также подвергались репрессиям, против активных деятелей партии возбуждались судебные дела, а иных коммунистов заключали в тюрьмы вообще без суда, на основе чрезвычайных полномочий военного времени. Орган компартии газета «Дейли уоркер» получила ряд предупреждений от властей, полиция запугивала лиц, читавших ее. Наконец, в январе 1941 г. газета была закрыта. В Соединенных Штатах в июне 1940 г. вошел в силу закон Смита, по которому прогрессивным деятелям угрожало тюремное заключение на 10 лет и штраф в 10 тыс. долларов.

В период «странной войны» усилия и помыслы правящих кругов западных держав были направлены на то, чтобы обратить острие войны против Советского Союза. Подозрительные эмиссары и посредники шныряли между столицами воевавших государств с тем, чтобы побудить гитлеровскую Германию напасть на Советский Союз. Пауза в военных действиях со стороны Германии, наступившая после польской кампании, а также «мирные предложения» Гитлера, изложенные в его речи в рейхстаге 6 октября 1939 г., казалось, давали основание полагать, что гитлеровцев можно склонить на соглашение с Западом и вынести конфликт из военной сферы. Между тем «мирное наступление» Гитлера было лишь маскировкой неминуемого нападения на Западе, оно должно было лишь притупить бдительность Англии и Франции, создав впечатление нерешительности, якобы существующей в Берлине, относительно направления следующего удара. В памятной записке своим командующим Гитлер 9 октября 1939 г. объяснил мотивы и доводы в пользу первоочередного разгрома западных держав. Его аргументация сводилась к следующему: западные противники Германии проводят традиционную политику «баланса сил», чтобы ослабить и уничтожить германское государство. Дабы не допустить торжества их целей, необходимо «добиться окончательного военного разгрома западных держав». Наступление на Западе первоначально намечалось на вторую неделю ноября 1939 г., однако из-за недостаточной подготовки войск, трудностей с транспортом, плохой погоды сроки его одиннадцать раз откладывали. В конечном итоге в середине января 1940 г. было решено отнестись открытие кампании на Западе на весну.

Рим, как в конце 30-х годов, так и во время «странной войны», стал тем пунктом, где правительства западных держав пытались нащупать и установить контакты с гитлеровской Германией. Правительство Чемберлена по-прежнему заискивало перед Муссолини, стремясь использовать его влияние, чтобы направить германскую агрессию на Восток. Призывы борьбы с коммунизмом нашли живейший отклик у дуче. И без внушения иностранных дипломатов Муссолини стоял за то, чтобы в первую очередь ударить на Востоке. 3 января 1940 г. он писал Гитлеру: «Любой дальнейший шаг в отношениях с Москвой вызвал бы катастрофические последствия в Италии. Разрешите думать, что этого не случится. Только в России, и нигде больше, вы найдете решение вопроса о вашем жизненном пространстве... В тот день, когда мы уничтожим большевизм, мы выполним свой долг перед нашими обеими революциями. Тогда наступит черед великих демократических держав, которые не смогут справиться с гложащим их раком».

Антисоветские интриги правительств

западных стран в период «странной войны»

Хотя Англия и Франция 3 сентября 1939 г. объявили войну Германии, вести боевые действия они не собирались. Отчаянные просьбы польских представителей о помощи натолкнулись в Лондоне и Париже на ледяной прием. Поляки просили ускорить обещанное наступление на Западном фронте. Но боевые действия там ограничились слабой деятельностью французских патрулей, которая была полностью прекращена к 21 сентября. Поляки просили хотя бы провести бомбардировки военных объектов в Германии. Однако и это обращение было отклонено: действия англо-французской авиации над Германией ограничились разбрасыванием листовок. Наконец, поляки попросили срочно прислать вооружение. Британский генерал Айронсайд, с которым польская миссия вела переговоры в Лондоне, ответил, что Англия сможет прислать вооружение Польше не раньше, чем через 5—6 месяцев, и порекомендовал закупить его в нейтральных странах — таких, как Бельгия, Испания или Канада. Поляки обратились в Вашингтон, прося исключить Польшу из числа стран, попадающих под действие закона о «нейтралитете». Но и оттуда поступил отказ. Итак, западные державы, на словах горячо сочувствовавшие Польше, на деле толкнули ее в пропасть. В трудный час «западные друзья» отвернулись от Польши.

Как отмечает В. Гомулка, «эту удивительную инертность можно и следует объяснять прежде всего политическими соображениями. Польша была для мюнхенцев пешкой, которую они с легким сердцем пожертвовали в грязной игре, надеясь на то, что вермахт, быстро покорив нашу страну, окажется лицом к лицу с Советской Армией. Несколько иными средствами продолжались попытки реализовать концепцию, лежавшую в основе мюнхенской политики: толкнуть Третью империю против СССР». Разгром Польши создал общую германо-советскую границу, что, на взгляд западных политиков, облегчало возникновение войны между Германией и СССР. Этим объясняется положение вещей, которое сложилось после сентября 1939 г.: Англия и Франция формально находились в состоянии войны с Германией, но не вели с ней военных действий — то был период так называемой «странной войны». На фронте против фашизма царило полное затишье, но внутри западных стран началось разнузданное наступление против прогрессивных сил, в первую очередь против коммунистов. Во Франции правительство Даладье 26 сентября 1939 г. издало декрет о запрещении деятельности коммунистической партии. По распоряжению правительства был прекращен выход коммунистических газет, многие коммунисты подверглись преследованию. Депутаты-коммунисты в парламенте были лишены мандатов, а некоторые — арестованы. Полтора миллиона французов, отдавших свои голоса коммунистам, не имели отныне представительства в парламенте. В Англии коммунисты также подвергались репрессиям, против активных деятелей партии возбуждались судебные дела, а иных коммунистов заключали в тюрьмы вообще без суда, на основе чрезвычайных полномочий военного времени. Орган компартии газета «Дейли уоркер» получила ряд предупреждений от властей, полиция запугивала лиц, читавших ее. Наконец, в январе 1941 г. газета была закрыта. В Соединенных Штатах в июне 1940 г. вошел в силу закон Смита, по которому прогрессивным деятелям угрожало тюремное заключение на 10 лет и штраф в 10 тыс. долларов.

В период «странной войны» усилия и помыслы правящих кругов западных держав были направлены на то, чтобы обратить острие войны против Советского Союза. Подозрительные эмиссары и посредники шныряли между столицами воевавших государств с тем, чтобы побудить гитлеровскую Германию напасть на Советский Союз.

Пауза в военных действиях со стороны Германии, наступившая после польской кампании, а также «мирные предложения» Гитлера, изложенные в его речи в рейхстаге 6 октября 1939 г., казалось, давали основание полагать, что гитлеровцев можно склонить на соглашение с Западом и вынести конфликт из военной сферы. Между тем «мирное наступление» Гитлера было лишь маскировкой неминуемого нападения на Западе, оно должно было лишь притупить бдительность Англии и Франции, создав впечатление нерешительности, якобы существующей в Берлине, относительно направления следующего удара. В памятной записке своим командующим Гитлер 9 октября 1939 г. объяснил мотивы и доводы в пользу первоочередного разгрома западных держав. Его аргументация сводилась к следующему: западные противники Германии проводят традиционную политику «баланса сил», чтобы ослабить и уничтожить германское государство. Дабы не допустить торжества их целей, необходимо «добиться окончательного военного разгрома западных держав». Наступление на Западе первоначально намечалось на вторую неделю ноября 1939 г., однако из-за недостаточной подготовки войск, трудностей с транспортом, плохой погоды сроки его одиннадцать раз откладывали. В конечном итоге в середине января 1940 г. было решено отнестись открытие кампании на Западе на весну.

Рим, как в конце 30-х годов, так и во время «странной войны», стал тем пунктом, где правительства западных держав пытались нащупать и установить контакты с гитлеровской Германией. Правительство Чемберлена по-прежнему заискивало перед Муссолини, стремясь использовать его влияние, чтобы направить германскую агрессию на Восток. Призывы борьбы с коммунизмом нашли живейший отклик у дуче. И без внушения иностранных дипломатов Муссолини стоял за то, чтобы в первую очередь ударить на Востоке. 3 января 1940 г. он писал Гитлеру: «Любой дальнейший шаг в отношениях с Москвой вызвал бы катастрофические последствия в Италии. Разрешите думать, что этого не случится. Только в России, и нигде больше, вы найдете решение вопроса о вашем жизненном пространстве... В тот день, когда мы уничтожим большевизм, мы выполним свой долг перед нашими обеими революциями. Тогда наступит черед великих демократических держав, которые не смогут справиться с гложущим их раком».

Попытки создания единого антисоветского фронта

Начало советско-финской войны 30 ноября 1939 г., развязанной финской военщиной, подстрекаемой западными державами, было встречено реакционными силами всего мира как желанный повод для организации «крестового похода» против коммунизма.

14 декабря 1939 г. Совет Лиги Наций объявил Советский Союз «агрессором» и исключил его из Лиги Наций.

Решение об исключении Советского Союза явилось политической смертью Лиги Наций.

В Финляндию хлынул поток вооружения и снаряжения не только из обеих враждебных коалиций, но и из нейтральных стран, таких, как США, Швеция, Италия. Швеция и Норвегия разрешили провоз этих материалов в Финляндию через свою территорию. Девять тысяч шведских «добровольцев» отправились воевать совместно с финскими войсками против Советского Союза, а общая стоимость военных материалов и вооружения поставленных Швецией Финляндии, достигла 400 млн. крон. В Финляндию начали прибывать «добровольцы» и из других стран капиталистического мира. Поставки англофранцузского вооружения достигли внушительных размеров: Англия передала

Финляндии 101 самолет, свыше 200 орудий, сотни тысяч снарядов, авиационных бомб и противотанковых мин. Из Франции поступило 175 самолетов, около 500 орудий, 5,5 тыс. пулеметов, миллион снарядов и ручных гранат. Соединенные Штаты предоставили Финляндии заем, направили 250 орудий и обещали послать самолеты. Вооружение поставляла и Италия.

Подготовка к нападению Англии и Франции на СССР шла лихорадочными темпами. Было решено использовать войска британского экспедиционного корпуса, находившегося во Франции, и лучшие соединения французской армии, в том числе альпийские части. Это мероприятие подорвало боеспособность союзных армий: вместо подготовки к войне с Германией, начался отбор частей для отправки в Финляндию.

Английский вице-маршал Э. Кингстон-Макклори отмечает: «Мы не были готовы предпринять против Германии каких-либо действий... В одном отношении, однако, нам открывался простор для действий: здесь речь идет об оказании помощи Финляндии в войне против России... Необходимого снаряжения и вооружения не хватало, и нам пришлось мобилизовать все имеющиеся ресурсы, чтобы создать этот экспедиционный корпус». Профессиональные англо-французские военные, которым были вверены войска, видели, что политические замыслы их правительств чреватые самыми серьезными последствиями. Один из командующих британским Экспедиционным корпусом Алан Брук писал в то время, что подготовка «дикой химеры в Финляндии... приводит меня в отчаяние». Генерал де Голль, видевший слабость французской армии и не питавший иллюзий относительно решимости гитлеровцев наступать, с горечью вспоминает: «Некоторые круги усматривали врага скорее в Сталине, чем в Гитлере. Они были больше озабочены тем, как нанести удар России — оказанием ли помощи Финляндии, или высадкой в Стамбуле, чем вопросом о том, каким образом справиться с Германией».

5 февраля 1940 г. Верховный военный совет союзников принял решение о посылке экспедиционных сил на помощь Финляндии. Глава финской военщины Маннер-гейм просил 30 тыс. человек, англо-французы определили численность этих войск в 150 тыс. человек! Их надлежало послать под видом «добровольцев», т. е. действовать так, согласились обе стороны, как действовала Италия во время интервенции в Испании в 1936—1939 гг. Десанты должны были высадиться в Нарвике и Пет-само Одновременно планировалось нападение на Советский Союз с юга, которое подготавливал в Сирии командующий французскими войсками генерал Вейган. В первую очередь намечалось подвергнуть бомбардировке с воздуха Баку и другие районы добычи нефти на Кавказе, а также ввести подводные лодки в Черное море для действий на советских морских сообщениях. 100 бомбардировщиков считалось достаточным, чтобы за шесть дней вывести из строя советские нефтепромыслы. Французский посол в Анкаре получил согласие Турции на пролет союзных самолетов над ее территорией. На Балканском полуострове в то время англофранцузская дипломатия развила активную деятельность, пытаясь завербовать союзников для действий против СССР среди малых государств.

В США реакционные деятели открыли бешеную антисоветскую кампанию. Было наложено «моральное эмбарго» на экспорт в СССР, раздавались голоса даже о разрыве отношений с нашей страной. Весьма влиятельный в те годы сенатор Питмэн предложил Англии, Франции и Германии заключить перемирие на 70 дней, чтобы «хладнокровно обсудить обстановку», созданную советско-финской войной. В начале 1940 г. по поручению правительства США личным представителем президента в Ватикане был назначен Тейлор, которому поручалось помочь «усилиям, направленным к миру». А 9 февраля в поездку по столицам Западной Европы отправился другой представитель президента — Уэллес, который побывал в Риме, Берлине, Париже и Лондоне. Он

встретился с руководителями четырех правительств. Муссолини Уэллес передал приглашение Рузвельта встретиться на Азорских островах. Американский посланец нашел, что в Лондоне и Париже по-прежнему готовы к сговору с Германией, а фашистская Италия рада возродить идею «пакта четырех». Уэллес обратился затем к президенту, прося формально уполномочить его проявить «общую инициативу к проявлению мира». Но из Вашингтона последовало внезапное запрещение, остановившее дальнейшую деятельность американского посредника. Что случилось?

В тяжелых условиях зимы 1939/40 гг. советская армия прорвала построенную по последнему слову военной техники «линию Маннергейма» на Карельском перешейке и нанесла решительное поражение финской военщине. Как отмечал позднее президент Финляндии Паасикиви, Советский Союз «зимой 1940 года мог бы продолжать борьбу, нанося Финляндии все новые тяжелые поражения, мог бы, если бы захотел, полностью раздавить Финляндию и уничтожить ее самостоятельность». Однако Советское правительство, ответившее ударом на провокации финской военщины, стремилось лишь к обеспечению безопасности границ Советского Союза и в первую очередь Ленинграда, ибо тогдашняя граница с Финляндией проходила всего в 32 км от великого города. Хотя разгром Финляндии был очевиден, советские предложения о мире оставались в силе. Финское правительство решило принять их. Когда 9 марта 1940 г. стало известно, что делегация Финляндии находится в Москве и ведет переговоры о мире, английское правительство постаралось сорвать их, подстрекнув финнов к дальнейшей борьбе. 11 марта Чемберлен выступил в палате общин с заявлением о том, что если Финляндия обратится к Англии и Франции, они немедленно придут ей на помощь всем, чем могут. Это не были пустые слова. 12 марта в Лондоне было решено высаживаться в Нарвике, а затем в Тронхейме. Вечером в тот же день на совместном заседании кабинета и комитета начальников штабов командующие силами вторжения получили все инструкции. Войска направились на погрузку. Но отплыть не успели: в ночь с 12 на 13 марта в Лондоне узнали о заключении мира между Советским Союзом и Финляндией.

По этому договору советская граница на Карельском перешейке была отодвинута на 150 км, были произведены также некоторые другие территориальные изменения, обеспечивавшие безопасность СССР. Стороны обязались взаимно воздерживаться от нападения друг на друга, не заключать союзов и не участвовать в коалициях, враждебных друг другу. Подписание договора о мире между СССР и Финляндией нанесло сильнейший удар по антисоветским планам англо-французских и американских политиков. Во Франции разразился правительственный кризис, правительство Даладье 21 марта ушло в отставку и было сформировано правительство Рейно. Американский посредник Уэллес был отозван в Соединенные Штаты. Однако провал авантюры в Финляндии не приостановил подготовки удара по Советскому Союзу с юга. Политические слепцы на заседании Верховного военного совета союзников 28 марта подтвердили решение о бомбардировке кавказских нефтепромыслов и вводе англо-французских подводных лодок в Черное море для действий против советского судоходства. «В Сирии, — пишет М. Торез, — генерал Вейган во главе 150-тысячной армии готовился к нападению на Кавказ. В письме от 17 апреля 1940 года он писал, что предполагает начать бомбардировку Баку и советских нефтеносных районов в июне... Французские реакционеры хотели поджечь нефтяные промыслы Баку, но не выпустили ни одного снаряда по железной дороге Базель — Карлсруэ, идущей по другому берегу Рейна!»

Захват Германией Дании и Норвегии

Пока правительства и штабы Англии и Франции жили в призрачном мире «странной войны», в Германии завершались последние приготовления к кампании на Западе.

Численность действующей армии к марту 1940 г. возросла до 3300 тыс. человек против 2760 тыс. в начале войны. Общие потери вооруженных сил до марта были незначительны — около 23 тыс. убитых. Еще в декабре 1939 г. было начато изучение возможности вторгнуться в Норвегию и Данию, 7 марта 1940 г. был отдан приказ о внезапном захвате этих двух стран. Цель операции заключалась в том, чтобы расширить исходные позиции для борьбы против Англии и обезопасить доставку шведской железной руды в Германию. Она планировалась с учетом возможностей немецкой «пятой колонны», имевшейся в Дании и Норвегии. План предусматривал внезапное и одновременное нападение на ключевые пункты этих стран 9 апреля. Поскольку до некоторых пунктов на севере Норвегии, в первую очередь Нарвика, морским путем нужно было добираться неделю, группы замаскированных германских кораблей со снаряжением и вооружением покинули свои порты уже в ночь с 2 на 3 апреля. Не осталась без внимания и психологическая подготовка: 5 апреля германский посланник в Осло пригласил видных норвежцев, в том числе членов правительства, на демонстрацию документального фильма о захвате Польши. Последние кадры были посвящены варварской бомбардировке Варшавы. Надпись гласила: «За это они могут благодарить своих английских и французских друзей». Гости разошлись в глубоком унынии. На рассвете 9 апреля план захвата Дании и Норвегии начал осуществляться. В порты этих стран внезапно вошли германские корабли, а на аэродромах стали приземляться самолеты с воздушно-десантными войсками. В Копенгагене, где никто не ждал нападения, германские солдаты уже в первый же час после вторжения беспрепятственно хозяйничали в городе. Они разоружили датских солдат, схватили и арестовали начальника генерального штаба и министра внутренних дел, а также английского торгового атташе, подвернувшегося под руку на улице. Датскому правительству был предъявлен «меморандум»: отдать приказ о капитуляции. На размышление давался один час. Германский посланник ожидал у королевского дворца с часами в руках. В 6.30 утра правительство капитулировало.

9 апреля германские корабли вошли в порты Осло, Кристиансанна, Ставангера, Бергена, Тронхейма и Нарвика. Вторжение осуществлялось силами семи дивизий, им противостояла норвежская армия, строившаяся по милиционной системе и насчитывавшая не более 15 тыс. человек. Через 48 часов после начала операции все основные порты Норвегии были в руках гитлеровских войск, которые начали продвижение в глубь страны. Норвежское правительство, бежав из Осло, призвало страну к войне против Германии. Однако сопротивление вторжению организовывалось наспех, с неизбежными промахами. Все это еще более увеличивало и без того превосходящую мощь врага. Вечером 9 апреля по радио выступил Квислинг, глава норвежской национал-социалистической партии. Он объявил себя премьер-министром, отменил распоряжение правительства о проведении всеобщей мобилизации и призвал сотрудничать с немцами. Отныне предателей, ставших на службу Германии в оккупированных странах Европы, стали называть «квислингами».

Внезапное нападение на Данию и Норвегию явилось ударом грома среди ясного неба. Особенно непостижимым представлялся захват немцами Нарвика — под носом британского флота! В правительственных ведомствах Лондона и Парижа просто отказывались верить собственным ушам. Чемберлен «уточнил» в выступлении в палате общин: «Как мне кажется», немцы захватили не Нарвик, а Ларвик — небольшой порт у входа в Осло — фьорд. В Париже Рейно со своими ближайшими помощниками тщетно искали на побережье Норвегии какой-нибудь другой Нарвик. Тем временем законное норвежское правительство обратилось к Англии и Франции за помощью. Английские войска должны были действовать по директиве, отданной за месяц до этих событий при подготовке помощи Финляндии, с тем только отличием, что теперь им предписывалось не

переходить шведской границы.

15 апреля был высажен английский десант у Нарвика, 16—18 апреля последовали высадки в Центральной Норвегии, в Ондальснесе и Намсусе (южнее и севернее Тронхейма). От занятия Тронхейма вскоре пришлось отказаться: господство немцев в воздухе свело на нет британское превосходство на море. Флот не решился подойти к берегу под угрозой удара с воздуха. Наступление на Тронхейм вскоре захлебнулось, и пришлось 2—3 мая эвакуировать высаженные в Центральной Норвегии войска. К горечи поражения примешивалось осознание того, что англичанам не удалось наладить контакта с норвежцами. Последние обвиняли англичан в недостаточно эффективной Помощи, первое считали, что норвежская армия оказывает недостаточно сильное сопротивление. Борьба в районе Нарвика затянулась, здесь действовали английские, французские и польские войска. 28 мая они даже овладели развалинами Нарвика. Но это была призрачная победа, общая обстановка на фронтах требовала немедленно развязаться с кампанией на севере Норвегии. К 8 июня все высадившиеся у Нарвика войска были эвакуированы, а 10 июня капитулировала норвежская армия. При эвакуации английский флот понес тяжелые потери, был потоплен авианосец «Глоризэс» и два сопровождавших его эсминца. Они унесли на дно 1515 жизней, что превысило все немецкие потери в Норвегии — 1317 человек убитыми.

Разгром Франции

Внезапный удар гитлеровцев в Скандинавии, поражения англо-французских войск, ясно выявившееся намерение Германии вести войну всерьез вызвали панику в руководящих кругах Англии и Франции. Нотки истерии и растерянности звучали в голосе Рейно, когда 22 апреля на заседании Верховного военного совета он говорил: «Мы должны противостоять крупным и все возрастающим силам противника, превосходящим нас в соотношении 3 :2, которое теперь должно увеличиться до 2:1». Виновники создавшегося положения сидели здесь же — за столом совещания. В британском парламенте страсти накалялись, 7—8 мая состоялись дебаты в связи с поражением в Норвегии. На правительство сыпался град упреков, бурные аплодисменты покрыли выступление консерватора Эмери. Он процитировал слова Кромвеля, обращенные в свое время к «Долгому парламенту»: «Вы сидели здесь слишком долго, как бы хорошо вы не работали. Уходите, говорю я вам. И пусть с вами будет покончено. Во имя господ, прошу вас уходите». 8 мая парламент 281 голосом против 200 выразил доверие правительству, но около 60 членов палаты общин воздержалось. Большинство было явно недостаточным, чтобы управлять страной во время войны. Правительство Чем-берлена подало в отставку. 10 мая Черчилль сформировал правительство национального единства.

Оценивая последствия оккупации Дании и Норвегии, английские начальники штабов пришли к выводу, что следующий удар Германия нанесет Англии, а не Франции. Рассудили, что в пользу этого говорят следующие доводы: в операциях против Британских островов немцы наиболее эффективно использовали бы свое главное преимущество — воздушную мощь, а Франция не сумела бы оказать должную помощь Англии. Наступление на Францию, по мнению лондонских стратегов, было для гитлеровцев мало привлекательным, ибо сулило тяжкие потери. Но если бы Германии удалось предварительно вывести из войны Англию, тогда задача сокрушения Франции упростилась. 9 мая английское правительство согласилось с выводами начальников штабов. Намерения гитлеровцев были, однако, противоположны. План наступления на Западе, принятый германским командованием после долгих споров, предусматривал прорыв союзного фронта в районе Арденн, последующее форсирование Мааса, занятие Седана и дальнейшее наступление в общем направлении на Булонь с целью расколоть

противостоящие армии. Германские силы, приготовившиеся к наступлению, насчитывали 134 дивизии.

Гитлеровцы заблаговременно постарались создать у англо-французов впечатление, что наступление во Франции будет развиваться по измененному «плану Шлиффена», т. е. по дороге 1914 г. — через Бельгию. Союзники поверили этому, так как до середины февраля 1940 г., когда Гитлер принял окончательный вариант плана, именно так и должно было развиваться наступление в соответствии с первоначальными наметками. Поэтому основная масса англо-французских сил общей численностью около 130 дивизий (84 французских, 10 английских, 1 польская, 22 бельгийские и 8 голландских) находились на севере. Ни с Бельгией, ни с Голландией, настаивавших на своем нейтралитете, не было договоренности об общем плане действий.

Гитлеровцы располагали неоспоримым превосходством только в авиации — против 3500 самолетов англо-французы могли выставить около полутора тысяч машин. Что касается танков, то союзные армии даже превосходили гитлеровские вооруженные силы, которые ввели в действие около 2600 танков. В основном германские танки были легкими: против союзников было брошено 1062 танка модели «Т-1» (вес — 6 тонн, вооружение—2 пулемета) и 1079 танков «Т-2» (вес—10 тонн, на вооружении 20-мм орудие). Танки «Т-1» были признаны устаревшими уже во время гражданской войны в Испании, они, как и машины марки «Т-2», были эффективны только против вконец деморализованного противника. Лишь несколько сот германских танков полностью отвечали требованиям современной войны. Но ударную силу немцев многие преувеличивали, когда началось германское наступление, один специальный американский журнал так описывал действия гитлеровских танковых колонн: «Появление тяжелого германского танка прорыва явилось полной неожиданностью как для военных, так и для гражданских... 10 мая эти танки, весившие 70 тонн, вооруженные 77-мм и 155-мм орудием и огнеметами, пробили брешь в линии Мажино». Машин, даже отдаленно напоминающих эти чудовища, в германской армии не было и в помине, как не наносилось и удара по «линии Мажино». О панике, охватившей союзное командование, говорит и французская оценка количества германских танков, действовавших на фронте, — до 8 тысяч единиц! Преимущество гитлеровцев заключалось не в количественном или качественном превосходстве танков (ни первого, ни второго не было), а в их использовании: они сосредоточили свои танки в мощный кулак, в то время как англо-французы разбросали собственные танки по всему фронту для поддержки пехоты.

Когда 10 мая 1940 г. германские армии внезапно двинулись на Францию через территорию Голландии, Бельгии и Люксембурга, англо-французское командование немедленно ввело в действие свой план войны. Союзные войска вступили на территорию Бельгии, чтобы продвинуться вперед и занять рубеж реки Диль примерно по линии Антверпен — Лувен — Намюр. В результате этого союзники должны были сократить линию фронта (что высвобождало 12—15 дивизий) и встретить противника на выдвинутых вперед рубежах. Этот маневр проводился, исходя из предположения, что гитлеровцы наносят основной удар на севере. Участок фронта в Арденнах обороняли слабые силы — считалось, что местность там не позволит пройти крупной мотомеханизированной армии. Пока французские и английские войска, пробиваясь через толпы беженцев, запрудивших дороги, двигались к реке Диль, а навстречу им откатывались разбитые части бельгийской и голландской армий, южнее гитлеровские танковые и мотомеханизированные колонны устремились к Маасу. Англо-французские подвижные части бесцельно передвигались по Бельгии, не встретив главные силы врага. Германские танковые и мотомеханизированные дивизии тем временем решали боевые задачи. 14 мая германские танковые и мотомеханизированные дивизии, разметав слабые

французские силы форсировали Маас у Седана. Отныне катастрофа за катастрофой обрушивалась на союзников. 15 мая капитулировала Голландия. Отход англо-французских и бельгийских войск в Бельгии превратился в бегство. Южнее танковые колонны немцев уже выходили в глубокий тыл основной группировке союзных сил, устремляясь к Ла-Маншу. 16 мая Черчилль срочно вылетел в Париж. Там во время совещания с французскими руководителями выяснилось, что французское правительство не видит средств остановить немецкое наступление и по существу считает войну проигранной. Совещание происходило в здании министерства иностранных дел Франции на Кэ д'Орсэ и из окна было видно, как поднимались клубы дыма в саду министерства: жгли архивы.

Отчаянное положение побудило английское правительство на крайний шаг: отбросив дипломатические тонкости, оно обращается с просьбой к США о прямой помощи. 18 мая Черчилль телеграфирует Рузвельту: «Если американской помощи суждено сыграть какую-нибудь роль, она должна быть оказана быстро». И 20 мая: «Если Соединенные Штаты предоставят Англию ее судьбе, никто не будет иметь права осуждать тех, на чьи плечи ляжет в тот момент ответственность, если они будут добиваться по возможности лучших условий для оставшегося в живых населения... Я не могу отвечать за своих преемников, которым в состоянии полного отчаяния и беспомощности, может быть, и придется покориться воле немцев». В ответ последовали фразы о единстве англо-американского мира вместе с серьезным предупреждением: английский и французский флоты не должны ни в коем случае попасть в руки победоносной Германии.

Во Франции Рейно вывел на сцену тени былого величия Третьей республики — из Сирии был вызван 73-летний Вейган и назначен главнокомандующим, из Испании — 85-летний маршал Петэн и введен в правительство. Рейно сместил Даладье и взял себе также портфель министра национальной обороны. Пока происходили эти перемещения, гитлеровские дивизии, не встречая серьезного сопротивления, в ночь на 20 мая у Абвиля вышли к Ла-Маншу. Во Фландрии и Артуа оказалась отрезанной значительная группировка французских войск, британский экспедиционный корпус и бельгийская армия. Под натиском врага они отходили к Ла-Маншу в районе Гравлин-Ньюпорт. 23 мая неожиданно, не предупредив своих союзников, бельгийский король Леопольд капитулировал со своей армией. Хотя бельгийское правительство, бежавшее из страны, заявило о решимости продолжать борьбу и объявило акт короля «незаконным и неконституционным», бумажной декларацией нельзя было закрыть образовавшуюся брешь в 28 км на северном участке союзного фронта. Положение ухудшалось с каждым часом. Уже с 23 мая английские войска, прижатые к Ла-Маншу, получали только половину рациона питания, а боеприпасы были на исходе. В суживавшемся плацдарме царило смятение. 24 мая Черчилль раздраженно пишет о британском командующем Горте: «Немцы могут идти куда угодно и делать все, что им заблагорассудится их танки могут действовать по два и по три по всему нашему тылу и их не атакуют даже тогда, когда обнаруживают. Наши танки также отступают перед их полевыми орудиями, в то время как наша полевая артиллерия не любит стрелять по их танкам». В Вестминстерском аббатстве в Лондоне 28 мая отслужен молебен о даровании победы, но прямо из алтаря аббатства Черчилль отправился в парламент и заявил, что страна «должна подготовиться к неприятным и тяжелым известиям». 29 мая Горту было отдано указание единолично решить, когда его силы должны капитулировать.

Английские и французские войска, прижатые к морю у Дюнкерка, спасло германское верховное командование. 24 мая Гитлер побывал в ставке командующего немецкой группой армий «А» Рундштедта. Командующий, основываясь на военной обстановке, доложил, что необходимо сбросить танковые части для второго этапа операций во

Франции. Гитлер согласился и приказал танковым дивизиям остаться на месте. В последующие дни в потоке приказов и контрприказов об инициативе Рундштедта забыли, но именно она послужила первопричиной указаний Гитлера — приостановить наступление у Дюнкерка. Через несколько дней, вспоминает Рундштедт, он рекомендовал верховному командованию: чтобы «мои пять танковых дивизий были немедленно брошены на город и полностью уничтожили отступавших англичан. Однако я получил твердый приказ от фюрера, что я ни в коем случае не должен наступать и мне было категорически запрещено подходить ближе, чем на 10 км, к Дюнкерку. Мне было разрешено использовать только орудия средних калибров. На этом расстоянии я и находился, наблюдая бегство англичан, в то время как моим танкам и пехоте было запрещено двинуться вперед».

В данном случае сыграла свою роль стереотипность немецкого военного мышления: хотя предпосылки, приведшие к выводу о необходимости приостановить наступление, скоро оказались опрокинутыми жизнью, это не поколебало решение, принятое на их основе. Не менее важной была и другая причина не военного, а политического характера. Гитлер полагал, что, выпустив англичан у Дюнкерка, он облегчит заключение мира с Англией. «Приказ Гитлера, — отмечает германский генерал Блюментритт, — запретивший атаковать англичан у Дюнкерка, убедил многих среди нас, что фюрер считал возможным договориться с Англией. Я беседовал с некоторыми офицерами военно-воздушных сил, и они также заявили, что Гитлер запретил им наносить сокрушительный удар по британским судам у Дюнкерка». Такова подоплека успешной эвакуации разбитых английских войск из Дюнкерка, что вошло в англо-американские официальные истории войны как «Дюнкеркское чудо»: вместо 20—30 тыс. человек, которые английское правительство надеялось вывезти из Дюнкерка, с 26 мая по 4 июня 1940 г. было эвакуировано 338 тыс. человек, т. е. практически весь британский экспедиционный корпус. Солдаты явились на родину безоружной толпой — тяжелое вооружение и транспортные средства были брошены на том берегу Ла-Манша.

В этот критический момент в истории Франции только французская компартия, правильно оценив размеры опасности, нависшей над страной, призывала к решительной борьбе. 6 июня ЦК КПФ передал правительству следующие предложения: «Коммунистическая партия будет рассматривать сдачу Парижа фашистским захватчикам как измену. Она считает организацию обороны Парижа первостепенным национальным долгом. Для этого необходимо: 1. Изменить характер войны, превратив ее в народную войну за свободу и независимость родины. 2. Освободить депутатов-коммунистов и активных работников коммунистической партии, (*В период «странной войны» французские правящие круги готовились не к войне с Германией, а были заняты борьбой с прогрессивными элементами во Франции. Незадолго до начала гитлеровского наступления министр внутренних дел Франции подвел некоторые итоги этой преступной деятельности. «Мандаты коммунистических депутатов аннулированы, — говорил он, — 300 коммунистических муниципалитетов распущены. В общей сложности 2778 коммунистических избранников лишены своих полномочий. Закрыты две ежедневные газеты: «Юманите», выходявшая тиражом в 500 тыс. экземпляров, и «Се суар» с тиражом в 250 тыс. экземпляров, а также 159 других изданий. Распущено 620 профсоюзов, произведено 11 тысяч обысков, отдано распоряжение о ликвидации 675 политических организаций коммунистического направления. Организованы облавы на активистов; 7 марта их было арестовано 3400. Большое количество людей интернировано в концентрационных лагерях. Вынесено 8 тысяч приговоров деятелям коммунистической партии».) а также десятки тысяч рабочих, заключенных в тюрьмы и интернированных в концентрационных лагерях. 3. Немедленно арестовать вражеских агентов, которыми кишат парламент, министерства и даже генеральный штаб, подвергнув их суровому наказанию. 4. Эти первые же мероприятия*

вызовут всенародный энтузиазм и позволят осуществить поголовное ополчение, которое следует объявить немедленно. 5. Вооружить народ и превратить Париж в неприступную крепость». Но французское правительство, помышлявшее не о борьбе, а о капитуляции, отвергло предложения ЦК КПФ.

Когда 5 июня гитлеровские армии возобновили наступление во Франции, пораженческие настроения среди французского правительства и командования стали быстро нарастать. Страна гибла, а французские правители больше всего боялись, чтобы война не приняла народный характер. Де Голль в мемуарах записывает, что Вейгана больше всего беспокоило, чтобы немцы оставили ему достаточно сил «для поддержания порядка».

13 июня, когда правительство, бежав из Парижа, собралось в Туре, Вейган требует капитуляции, заявляя, что в Париже восстание, и Морис Торез утвердился в Елисейском дворце. Немедленно связываются с Парижем, префект парижской полиции опровергает сказанное Вейганом и т. д. Между тем Франция могла сражаться: даже после Дюнкерка французская армия располагала 1200 исправными танками, на юге страны проходили подготовку несколько сот тысяч новобранцев. Но французское правительство боялось вручить защиту родины в руки собственного народа. Когда речь шла о борьбе против Германии, французские политики думали не о изыскании сил внутри страны, а иностранной помощи. Хотя англичане потерпели сокрушительное поражение у Дюнкерка, французское правительство требует немедленной присылки английских войск и авиации. Французская просьба отклоняется, в Лондоне разъясняют: авиация «фактически является для Великобритании тем же, чем линия Мажино для французов»; Рейно направляет несколько посланий Ф. Рузвельту: сначала он просит о материальной помощи, но 14 июня умоляет объявить войну Германии и помочь Франции американскими вооруженными силами. Из Вашингтона поступает ответ: США разделяют идеалы, за которые сражается Франция. Президент выражает надежду, что французский флот не попадет в руки Германии. В противном случае Франция навсегда утратит «дружбу» США. Ф. Рузвельт настоятельно просит английское правительство послать во Францию самолеты. Черчилль отказался. Американский посол в Париже Буллит 5 июня сообщает в Вашингтон, что «англичане, возможно, сохраняют свою авиацию и флот, для того, чтобы использовать их как козыри в переговорах с Гитлером».

14 июня гитлеровские войска вступили в Париж. 16 июня танки Клейста захватили Дижон, а 17 июня передовые подразделения Гудериана достигли швейцарской границы, замкнув кольцо окружения, в котором остались французские войска на линии Мажино в Эльзасе и Лотарингии. На западе Франции германские танки уже хозяйничали в Бретани и Нормандии.

В Лондоне понимали, что капитуляция Франции — дело дней и часов, и страшились остаться в одиночестве перед лицом победоносной Германии. Поэтому было решено спасти то, что еще можно было спасти, — не метрополию, а французскую империю, поставив ее обширные ресурсы на службу войне. С согласия де Голля и некоторых французских деятелей английское правительство поспешно составило «Декларацию о союзе» и 16 июня предложило правительству Рейно принять ее.

Декларация предусматривала создание единого франко-британского союза; будут единое правительство, единые вооруженные силы, введено единое гражданство для обеих наций. Важнейшей предпосылкой осуществления декларации была бы эвакуация французского правительства и остатков вооруженных сил в Алжир, который должен был стать базой дальнейшего ведения войны. Британский флот был готов оказать всю возможную помощь при транспортировке через Средиземное море. (*Французские коллаборационисты*

разработали версию, что отказ пойти на перемирие с Германией в 1940 г. и переезд французского правительства в Северную Африку привели бы к тому, что Гитлер захватил бы Испанию, вторгся в Алжир, а в конечном итоге под контролем держав «оси» оказался бы весь бассейн Средиземного моря. Поэтому они объявили капитуляцию перед Гитлером чуть ли не «благодарием» для всех противников гитлеровской Германии. Представ после войны перед французским Верховным судом, Петэн даже заявил: «Пока генерал де Голль продолжал борьбу за рубежом, я подготовлял почву для освобождения, поддерживая жизнь Франции, хотя и полную страданий. Какая польза была бы в освобождении развалин и кладбищ?» Это «объяснение» вошло в буржуазную историографию, с ним согласен ряд историков, в том числе известный британский военный историк Фуллер. Руководящие политические деятели Запада периода второй мировой войны отстаивают противоположную точку зрения. Де Голль особенно сожалеет о том, что значительный французский флот не был использован: «Сочетая свою силу с силой их (союзного) флота, он мог бы блокировать и преследовать врага, прикрывать берега Африки или господствовать там, перевозя все необходимое для армии-освободительницы, и в один прекрасный день доставить ее обратно к нашим берегам». Черчилль рассматривает вопрос о плане большой стратегии союзников. «После падения Парижа — пишет он, — когда Гитлер отплясывал свой танец радости, он, естественно, строил весьма широкие планы. Раз Франция была повергнута, ему необходимо было завоевать или уничтожить Великобританию. Кроме этого, он мог выбрать только Россию. Крупная операция по захвату Северо-Западной Африки через Испанию помешала бы обоим этим огромным авантюрам или, по крайней мере, воспрепятствовала бы его нападению на Балканы Я нисколько не сомневаюсь, что для всех союзников было бы лучше, если бы французское правительство переехало в Северную Африку».)

Петэновцы отказались даже рассмотреть английское предложение, обвиняя английское правительство в намерении установить опеку над Францией и захватить ее колонии. Вейган указывал: «В три недели Англии свернут голову как цыпленку». Петэн не скрыл своей уверенности, что основать такой союз для Франции означало бы «слияние с трупом». Мюнхенец Ибарнегарэ восклицал: «Лучше быть нацистской провинцией. По крайней мере мы знаем, что это значит». Классовые мотивы лежали в основе этой позиции. Как отмечал де Голль, после Седана и падения Парижа, по мнению Петэна, следовало кончать войну, заключить перемирие и «в случае необходимости расправиться с Коммуной, как в свое время в подобных же обстоятельствах с ней расправился Тьер».

17 июня, после ухода правительства Рейно в отставку, Петэн сформировал кабинет. В тот же день он обратился к гитлеровцам с просьбой сообщить условия перемирия. Страна по радио была немедленно оповещена об этом. Петэн заявил: «Надо прекратить бой». Известие о том, что новое правительство вступает в переговоры с врагом, окончательно деморализовало французскую армию. Между тем гитлеровцы не торопились с ответом, намереваясь захватить большую территорию. Заявление Петэна облегчило достижение этой цели. Только 21 июня германские представители приняли французскую делегацию в Компьенском лесу, около Ретонда, т. е. на том самом месте, где 11 ноября 1918 г. было подписано перемирие с побежденной Германией. На путях стоял салон-вагон маршала Фоша, извлеченный из музея. В этом вагоне в свое время представители держав Антанты продиктовали тогда Германии условия перемирия. Рядом возвышался памятник, построенный французами после первой мировой войны, с надписью: «Здесь погибла преступная гордость немцев».

Условия перемирия, предъявленные Франции, были следующие: страна делилась на две зоны, две трети Франции оккупировались гитлеровцами, оставшаяся часть составляла

неокупированную зону и оставалась под контролем правительства Петэна. Гитлеровцы захватили самые развитые экономические департаменты и столицу страны. В их руках осталось полтора миллиона французских военнопленных. Французские вооруженные силы подлежали демобилизации, за исключением «войск, необходимых для поддержания порядка» в неокупированной зоне, в общей сложности 7 дивизий. Все вооружение и военное снаряжение передавалось гитлеровской Германии. Франция должна была платить на содержание немецкой оккупационной армии сначала по 400, затем по 500 млн. франков в день. Однако гитлеровцы не настаивали на передаче французского флота, ограничившись внесением в условия перемирия статьи, предусматривавшей сосредоточение кораблей в «определенных портах», где он должен находиться под контролем держав «оси». Главные силы французского флота были собраны в Тулоне. Половинчатость решения о судьбе французского флота, равно как формальное сохранение суверенитета Франции, преследовала далеко идущие цели: гитлеровская Германия стремилась политическим соглашением нейтрализовать французские заморские владения, поскольку пока не представлялось возможности захватить их, не допустить использования их ресурсов в войне против держав «оси». В тогдашней обстановке, и это понимали в Берлине, требования немедленно передать флот могли привести к тому, что он ушел бы к англичанам. Французская делегация подписала перемирие 22 июня, но военные действия не приостанавливались. Условия перемирия предусматривали, что оно вступит в силу через 6 часов после того, как Италия сообщит Германии о заключении перемирия с Францией.

Фашистская Италия объявила о вступлении в войну против Англии и Франции еще 10 июня 1940 г., мотивировав это тем, что этой войны требуют ее «честь и интересы». Итальянские фашисты полагали, что они используют «шанс, который представляется только раз в пять тысяч лет». Но 32 итальянские дивизии не смогли прорвать французский альпийский фронт, который держали всего шесть дивизий. Двухнедельные бои не принесли итальянской армии решительно никаких успехов. Только угроза немецких танков, спускавшихся по долине реки Роны, сделала положение французов безнадежным. Несмотря на военные неудачи, Италия формально являлась равноправным союзником Германии, и французская делегация была доставлена на самолете в Рим, где под вечер 23 июня было подписано перемирие между Францией и Италией, в общем аналогичное заключенному в Компьенском лесу. В 12.30 дня 24 июня боевые действия прекратились. Франция капитулировала.

Правительство Петэна обосновалось в курортном городке Виши, который привлек предателей своими большими отелями, где можно было жить в комфорте, и отдаленностью от крупных промышленных центров. Они имели серьезные основания опасаться гнева французского пролетариата. Отныне правительство Петэна, положившее к ногам гитлеровцев Францию, получило название «режим Виши». Петэн объявил себя главой государства, слово «республика» употреблялось только с оскорбительными эпитетами; на монетах, почтовых марках и официальных документах слова «французская республика» заменили словами «французское государство», а девиз «Свобода, равенство и братство» словами «Труд, семья, родина». Режим Виши стал верно сотрудничать с оккупантами, в то же время сохранив добрые отношения с Соединенными Штатами. Американский посол остался при правительстве Петэна. Как заметил Буллит летом 1940 г.: «Вопрос о признании правительства Петэна даже не возникал, так как наши отношения с Францией вообще не прерывались».

Сокрушительный разгром Франции, потребовавший от вермахта всего 44 дня, был подготовлен политикой французских правящих кругов, поставивших во главу угла борьбу со здоровыми силами нации, прежде всего коммунистической партией. Именно это

подорвало боевой дух армии. Засилие реакции, давшее возможность развернуться вовсю «пятой колонне», дезорганизовало тыл и привело к победе предателей внутри страны, что означало разгром Франции на поле боя. Однако французский народ не смирился с поражением. С первых же дней оккупации под руководством коммунистической партии он начинает борьбу с захватчиками.

«Битва за Англию»

Особенностью германской стратегии было отсутствие долгосрочного планирования. Трофейные германские документы не оставляют сомнения, что до завершения кампании против Франции гитлеровцы всерьез не занимались подготовкой вторжения на Британские острова, даже на стадии штабной разработки. Гитлер, по-видимому, «просмотрел» на карте Ла-Манш, а германское верховное командование было склонно рассматривать начальный этап операций против Англии, если вообще они будут предприняты, как форсирование на широком фронте необычайно большой реки. Неожиданно быстрый крах Франции и легкая победа поставили гитлеровское руководство перед необходимостью без промедления принять решение относительно дальнейших боевых действий против Великобритании. К началу июля надежды на капитуляцию Англии пришлось оставить и 2 июля Гитлер отдает первую директиву о подготовке вторжения. Итальянские фашисты выразили горячее желание принять участие в высадке. Но гитлеровцы отклонили предложение Муссолини прислать итальянский экспедиционный корпус в составе 10 дивизий и 30 эскадрилий. Участие Италии в боевых действиях против Англии ограничилось присылкой авиационной дивизии (94 машины) в октябре и операциями итальянских подводных лодок в Атлантике начиная с сентября. Вторжение на Британские острова, не видевшие врага со времен норманнов, должно было вновь продемонстрировать миру мощь вермахта, способного сокрушить не только Францию — крупную сухопутную державу, но и повергнуть Великобританию — оплот морской мощи коалиции.

Хотя Гитлер не хотел делиться славой при разгроме Великобритании, неминуемый, как представлялось в Берлине, захват Британских островов и ликвидация центра Британской империи вызывали у него опасения с политической точки зрения. 13 июня Гальдер записывает выступление Гитлера перед группой командующих: «Фюрера очень беспокоит проблема, почему Англия не желает пойти на мир. Как и мы, он находит объяснение в том факте, что Англия все еще возлагает некоторые надежды на Россию. Поэтому он рассчитывает силой заставить Англию пойти на мировую, Однако он делает это неохотно. Причина: если мы сокрушим Англию силой оружия, Британская империя распадется. Однако это не принесет выгод Германии. Мы прольем немецкую кровь только в интересах Америки, Японии и других».

16 июля принимается окончательно военное решение — готовить вторжение, зашифрованное под названием — операция «Морской лев».

Предварительное ознакомление с военными аспектами вторжения немедленно вскрыло ряд трудностей. Британский флот господствовал на море, метеорологические условия ограничивали выбор даты высадки, надежды на то, что артиллерия с французского побережья сумеет прикрыть десантные войска, при ближайшем изучении проблемы оказались преувеличенными, а господство в воздухе еще предстояло отвоевать в боях с быстро растущей британской истребительной авиацией. Трезвая оценка этих военных факторов подрывала в определенной степени веру в конечный успех операции. Однако задача, по-видимому, могла оказаться не по плечу вермахту не потому, что Англия была сильна сама по себе, а потому, что ее сопротивление основывалось на надеждах,

связанных с существованием Советского Союза. Так рассудил Гитлер, отдавший 21 июля указание германскому верховному командованию начать подготовку войны против СССР, которую, возможно, придется начать уже осенью 1940 г.

31 июля Гитлер выступает на военном совете. Признав военные трудности вторжения на Британские острова, хотя и преодолимые, Гитлер заявил: «Мы должны уничтожить те факторы, которые позволяют Англии надеяться на изменения в обстановке», т. е. существование Советского Союза и Америки. Ключ к решению проблемы — разгром СССР, который повлечет за собой крутое изменение положения вещей на Дальнем Востоке. Громадный рост мощи Японии полностью прикует к нему внимание Америки, которая не сможет после этого оказать помощи Англии. В конечном итоге, заключил Гитлер, Англия держится лишь в надежде на Советский Союз, последнему «достаточно только намекнуть, что он не хочет видеть сильную Германию, и Англия, как утопающий, хватаящийся за соломинку, вновь обретет надежду, что обстановка претерпит различные изменения в какие-нибудь шесть—восемь месяцев. Однако если Россия будет сокрушена, последняя надежда Британии будет уничтожена. Тогда Германия будет властителем Европы». Выводы совещания — готовить вторжение против Англии и в то же время планировать на весну 1941 г. войну против Советского Союза — были стратегическим компромиссом. А поскольку условия погоды давали надежду на успех вторжения только в течение ближайших двух-трех месяцев, становилось очевидно, что удастся подготовить только ту кампанию, где время не являлось лимитирующим фактором, а именно — войну против Советского Союза. В свою очередь перенесение усилий Германии для войны на Востоке делали бесперспективной их высадку в Англии. Это и спасло Британские острова от угрозы гитлеровского вторжения.

Отныне, несмотря на серьезную подготовку флота, авиации и гестапо (*В случае успеха вторжения английский народ ожидала тяжелая участь. Все работоспособное мужское население в возрасте от 17 до 45 лет должно было быть вывезено на континент. Страна подлежала тотальному разграблению. Был назначен и будущий начальник гестапо в Англии — штандартен-фюрер СС Сикс. Была определена и резиденция его штаба. Составлена «розыскная книга», в которой значилось 2700 лиц различных профессий, а также список «антигерманских организаций». Этим лиц, в их число были включены все члены английского парламента, предстояло арестовать в первую очередь, а соответствующие организации разгромить. Вблизи каждого крупного города должны быть созданы концентрационные лагеря.*) для действий против Англии, главный элемент ударной мощи германской военной машины — сухопутная армия не считала эту операцию своей основной задачей. Штабы армии были заняты разработкой более широкой кампании на Востоке, а вторжение в Англию отступило на задний план и рассматривалось как неизбежный, но второстепенный компонент планирования и подготовки. С первых чисел июля 1940 г. началась переброска войск к границам Советского Союза. Директива Гитлера от 31 июля 1940 г. об увеличении армии до 180 дивизий была отдана, и это отмечено в самом тексте, в предвидении войны против Советского Союза. 9 августа главный штаб вооруженных сил отдал распоряжение о подготовке театра войны на Востоке. Широкое строительство железных и шоссежных дорог, прокладка линий связи, сооружение складов на подступах к Советскому Союзу в целях маскировки объяснялось необходимостью защиты в воздушной войне на Западе.

Независимо от первоначальных военных намерений Гитлера, план вторжения в Англию — «Морской лев» — самой логикой развертывания германской военной машины превращался лишь в средство маскировки, хотя и дорогостоящей, обширных военных приготовлений на Востоке.

Германские танковые дивизии, прогрохотав по дорогам Западной Европы, остановились перед гигантским противотанковым рвом — Ла-Маншем. Как форсировать его достаточными силами, избежав или предотвратив встречу с британским флотом? Над этой проблемой и ломали голову в германских штабах, планируя операцию «Морской лев». Перед германскими штабистами лежали разведывательные сводки, оценивавшие вооруженные силы Англии в 39 полных дивизий. Хваленая германская разведывательная служба жестоко ошиблась — действительно, на бумаге значилось 27 дивизий и 14 бригад, но только три дивизии были полностью оснащены и вооружены. Англия располагала миллионами мужественных людей, готовых защитить свои дома, но с вилами и охотничьими ружьями. Не хватало даже винтовок, в Дюнкерке было брошено 2300 орудий, 90 тыс. винтовок, 120 тыс. автомашин и других транспортных единиц. Во Францию в составе экспедиционного корпуса было отправлено 704 танка, удалось эвакуировать — 25. Всего летом 1940 г. в Англии насчитывалось едва ли 200 танков, многие из них учебные и около 500 орудий. Как признавал Черчилль в речи на закрытом заседании палаты общин 23 апреля 1942 г., «в 1940 г. силы вторжения в 150 тыс. отборных солдат могли внести смертельное смятение в наши ряды». Первоначальные силы вторжения по плану операции «Морской лев» составляли 250 тыс. человек. Флот собрал достаточное количество судов и барж, чтобы высадить в первом эшелоне 90 тыс. человек и 650 танков, кроме того, намечалась выброска парашютных частей. В целом за шесть недель после начала вторжения через Ла-Манш намечалось перебросить 23 дивизии.

В ходе подготовки возникли острые разногласия между тремя видами германских вооруженных сил. Армия выступала за более широкий фронт высадки, флот настаивал на том, чтобы максимально сузить его. Гитлер взял сторону армии, заметив: предложения флота — «очевидное самоубийство, с таким же успехом я мог бы послать солдат в колбасную машину». Представители флота в ответ указали, что при попытке высадки широким фронтом войска вообще не достигнут британского побережья. Геринг, командовавший военно-воздушными силами, считал, что одной авиации окажется достаточным, чтобы поставить на колени Англию. В результате командование ВВС не столько думало о поддержке армии и флота, сколько разрабатывало самостоятельные планы. Подозрительность Гитлера усугубляла трудности подготовки: он боялся, чтобы за его спиной не возникла оппозиция, поэтому штабных совещаний на высшем уровне с участием представителей трех видов вооруженных сил практически не проводилось. Гитлер, объявленный к этому времени нацистской пропагандой «величайшим полководцем всех времен», полагал, что высаживаться, быть может, вообще не придется, так как в Англии трудности войны приведут к волнениям и устранению от власти правительства Черчилля. Геринг горячо поддерживал мнение фюрера, и 1 августа была отдана директива о ведении «воздушной и морской войны против Англии». На германские военно-воздушные силы возлагалась задача сломить волю Великобритании к борьбе.

13 августа настал «Орлиный день», объявленный Герингом. Германская авиация нанесла массированный удар по британским аэродромам, радиолокационным станциям и завязала воздушные бои, стремясь подорвать силы британской противовоздушной обороны. Началась «Битва за Англию» — месяц с небольшим активных действий в воздухе. Силы германской авиации в этих боях составляли 1200 бомбардировщиков и 1000 истребителей, англичане располагали 250 бомбардировщиками и 960 истребителями. В ПВО Англии насчитывалось около 1800 зенитных орудий. Бои достигли большого ожесточения: 7 сентября 300 германских бомбардировщиков бомбили восточный Лондон, ночью при свете горящих пожаров над городом появилось еще 250 бомбардировщиков. В эту ночь тяжелые часы пережила не только столица, но и вся Южная Англия: британское

командование ожидало с минуты на минуту высадки. Войска стояли наготове, в церквях звучал набатный звон — созывали добровольцев. Последующие две недели также прошли в крайней тревоге: сведения, полученные от разведки, показывали большое сосредоточение судов и барж в портах европейского побережья.

По ту сторону фронта, однако, вторжение отдаляли с каждым днем: самоуверенные прогнозы Геринга не оправдывались, а германская авиация несла все возрастающие потери. 15 сентября, день, который рассматривается в Англии как поворотный пункт, немцы потеряли 60 самолетов (правда, английские летчики тогда насчитали 174 машины), англичане — 26. В общей сложности с 10 июля по 1 октября германская авиация потеряла 1408 самолетов, английская—781. Командование германских военно-воздушных сил не видело просвета, по-прежнему германские бомбардировщики встречали многочисленные британские истребители. Превосходство англичан в радиолокационной технике, дававшее возможность маневрировать своими истребительными эскадрильями, конечно, значило многое, но не все. Ключ к успеху лежал в другом: в сентябре 1939 г. английская авиационная промышленность произвела 93 истребителя, в январе 1940 г.— 157, в июле 1940 г. выпущено 490, а в последние три месяца под ливнем бомб врага английская авиационная промышленность давала по 460 машин ежемесячно. В Германии производство истребителей как в сентябре 1939 г., так и летом 1940 г. составляло в среднем по 200 самолетов в месяц. Сводные данные поучительны: в 1940 г. Англия произвела 9924 боевых самолета (из них 3710 бомбардировщиков и 4283 истребителя), Германия — 8070 боевых самолетов (3954 бомбардировщика и 2424 истребителя).

Господство в воздухе, а к этому только и стремилась пока германская авиация, оставалось недостижимой задачей. В боевом журнале германского военно-морского флота 12 сентября отмечается: «В ее нынешней форме воздушная война не может помочь подготовке к операции «Морской лев», которая сосредоточена главным образом в руках морского флота. В частности, незаметно каких-либо попыток со стороны германской авиации атаковать корабли английского флота, которые имеют сейчас возможность почти беспрепятственно действовать в Ла-Манше». Хотя гитлеровская солдатня по-прежнему распевала «Мы идем на Англию»—«предполагаемое вторжение в Англию стало чепухой...— говорил Рундштедт. — Мы стали рассматривать всю подготовку как своего рода игру, потому что было очевидно — вторжение невозможно, если наш флот не сумеет прикрыть высадку или перебросить подкрепления». Еще 3 сентября Гитлер отдал приказ о вторжении в 20-х числах сентября, 14 сентября было объявлено об отсрочке операции, 17 сентября она была отложена до особого распоряжения и, наконец, 12 октября перенесена на 1941 г. Армия не желала вверять свою судьбу двум другим видам вооруженных сил — флоту, потому что он был очевидно слаб, и авиации, показавшей неспособность добиться решающих успехов, несмотря на оглушительную саморекламу Геринга. Престижу армии, завоеванному в «блицкриге» на Западе, флот и авиация могли противопоставить только весьма длительное овладение Норвегией и очевидную неудачу в воздушных боях над Британскими островами. Хотя, по словам Йодля, «наши планы в значительной степени напоминали планы Юлия Цезаря», времена с тех пор изменились, и вермахт ничего не мог поделать без флота и авиации, но не мог полностью и положиться на них. Однако все эти тактические разногласия покрыла гигантская тень, отбрасываемая подготовкой к войне против Советского Союза. В конечном счете для борьбы с нашей страной готовилась армия в 180 дивизий, 26 дивизий, нацеленные на Англию, составляли около 15% этих сил.

Война на Западе ограничилась боевыми действиями в воздухе и на море. Действия немецкой авиации против Британских островов стратегически приносили мало пользы — это была история не осуществленных до конца противоречивых планов, бесконечной и бессистемной смены первоочередных объектов бомбардировок, однако в любом случае

страдало мирное население. Лондон испытал «блиц» — 57 ночей подряд, с 7 сентября по 3 ноября, на город налетало в среднем по 200 бомбардировщиков. 14 ноября 500 бомбардировщиков сбросили 600 т бомб на Ковентри, основательно разрушив город. Погибло 400 человек. Германское радио оповестило, что все города Англии будут «ковентрированы». Тяжелые удары были нанесены и по многим другим английским городам. По масштабам англо-американских бомбардировок на позднейших этапах войны налеты германской авиации в 1940 г. выглядят сравнительно скромными — за этот год на английские города были сброшены около 37 тыс. т бомб. Однако в 1943—1945 гг. немцы располагали лучшей системой убежищ, чем англичане в 1940 г.. (Как заметил Черчилль: «Конечно, если бы в 1940 году против Лондона применялись бомбы образца 1943 года, то мы были бы поставлены в условия, которые могли бы полностью уничтожить всю человеческую организацию. Однако все происходит своим чередом и взаимно связано, и никто не имеет права сказать, что Лондон, который, бесспорно, не был побежден, не является также непобедимым».)

В 1940 г. была принята система страхования — убытки от налетов должны были компенсироваться государством. В основу системы был положен принцип — вся страна должна нести тяготы войны, а не только те, чьи дома разрушены бомбами. За время войны всего было выплачено, таким образом, 830 млн. фунтов стерлингов. В ответ английская авиация начала наносить систематические удары по германским городам, в том числе на Берлин было сброшено за 1940 г. 14,6 тыс. т бомб. Директива английского правительства в отношении целей бомбардировок, отданная 30 октября 1940 г., гласила: «Хотя и следовало бы придерживаться правила о бомбардировке только военных объектов, однако немецкое население, проживающее в районе таких объектов, должно испытать тяготы войны». Налет 134 английских бомбардировщиков на Маннгейм 16 декабря 1940 г. без указания конкретных целей открыл новую страницу воздушной войны — бомбардировок «по площадям», т. е. подрыва морального духа населения. Англия, потрясенная ожиданием вторжения, отныне вела войну не «в лайковых перчатках».

Укрепление англо-американского сотрудничества

Появление гитлеровских дивизий на том берегу Атлантики, от Нарвика до Бордо, накалило политические страсти в Соединенных Штатах. Широкие массы американцев осознали, что дальнейшие победы фашизма ставят под угрозу национальную безопасность страны, однако это не устранило, а напротив углубило уже давно существовавшие противоречия во внешней политике США. Правительство Рузвельта прежде всего думало о безопасности самой Америки, эту цель преследовала широкая программа вооружений, принятая конгрессом в мае — июле 1940 г. В основу ее было положено максимальное усиление авиации и флота. Было решено довести ежегодное производство самолетов до 50 тыс., создать флот «двух океанов», удвоив уже имевшийся значительный военно-морской флот. 15 июня Рузвельт отдал секретное распоряжение — начать работу над атомным оружием.

Правительство и командование армии стояли за оказание помощи Англии, чтобы отсрочить нападение агрессоров на Соединенные Штаты. По подсчетам американских стратегов, сопротивление Англии даст США год передышки — шесть месяцев потребуются Германии для ее завоевания и шесть месяцев для освоения захваченного и консолидации своих позиций. Разворачивавшейся американской армии не хватало вооружения, однако командование вооруженных сил США было готово уделить часть его для помощи англичанам, ибо, как объяснил начальник штаба американской армии генерал

Маршалл в меморандуме 24 июня 1940 г., «если англичане покажут, что они могут выстоять перед лицом германского удара и, получая небольшую помощь, продержаться с год, тогда с точки зрения нашей безопасности желательно передать им кое-какие военные материалы и вооружение». Это решение затрагивало кардинально важный вопрос: США формально являлись «нейтральным» государством. Оказание помощи превращало их в невоюющего союзника Англии. Не был ли чрезмерен риск: помогая Англии — вовлечь неподготовленные США в вооруженную борьбу? Где та роковая грань, которую опасно перейти? Некоторые члены правительства США — министры Стимсон, Нокс и Икес — считали возможным идти напролом и прямо объявить войну Германии в июне 1940 г. Рузвельт, однако, полагал, что оказание помощи Англии не приведет к войне с Германией.

Политические противники Рузвельта — «изоляционисты» исходили из того, что с Англией покончено и любая винтовка, отправленная за океан, ослабит США и усилит Германию, так как неизбежно попадет в руки гитлеровцев. Они стояли за то, чтобы укрепить военную мощь Америки и встретить врага, если агрессоры решатся напасть на США, в Атлантике. Неменьшее значение в расчетах «изоляционистов» играло и то обстоятельство, что они надеялись на возникновение войны между Германией и СССР. Это разжигало их пыл в борьбе за то, чтобы США остались в стороне от европейской войны.

Один из органов «изоляционистов» — «Социал Джастис» писал летом 1940 г. о тех, кто был поборником помощи Англии: они «образуют самую опасную пятую колонну, какая когда-либо существовала на нейтральной земле. Они являются Квислингами Америки. Они — Иуды Искарियोты среди апостольской общины нашей нации. Это — змеи в траве, защищенные влиянием золота, правительства и иностранцев».

Летом 1940 г., когда после катастрофы в Дюнкерке английская армия остро нуждалась в оружии, правительство США в порядке срочной помощи продало за 41,3 млн. долларов Англии 615 тыс. винтовок, 86 тыс. пулеметов, 895 75-миллиметровых орудий и некоторое количество боеприпасов. Для англичан это оружие оказалось весьма своевременным подспорьем, боевая мощь американских вооруженных сил едва ли пострадала: подавляющее количество проданных винтовок, пулеметов и орудий были устаревшими и никогда не поступили бы на вооружение американской армии. Английские солдаты получили пулеметы отечественного производства — «Марлин», «Виккерс», «Льюис», которые хранились в США со времен первой мировой войны. Боеприпасы также были старыми. Продажа вооружения подверглась резкой критике со стороны «изоляционистов», изображавших этот шаг чуть ли не самоубийством для США: разве сами англичане не отказались послать свои истребители во Францию в самый критический для нее момент, чтобы приберечь их для защиты Британских островов? А как поступают США? Между тем возникла проблема, памятная жителям Британских островов со времен первой мировой войны: действия германских подводных лодок и авиации в Атлантике ставили под угрозу снабжение Великобритании. Потери торгового флота угрожающе росли.

Еще 15 мая Черчилль обратился с просьбой к США предоставить во временное пользование 40—50 старых эсминцев и несколько сот самолетов новейших типов. Американское правительство согласилось передать эсминцы, но на таких условиях: Англия должна официально заверить США, что в случае ее поражения флот ни в коем случае не будет передан Германии и США получат базы в английских владениях в западном полушарии. Первое было легко обещать. В речи 4 июня Черчилль заявил: если Англия падет, «наша заокеанская империя, вооруженная и обороняемая английским флотом, продолжит борьбу до тех пор, пока в час, предназначенный богом, Новый Свет со

всей своей силой и мощью не выступит для спасения и освобождения Старого Света». Для публичной речи этих слов было достаточно, но 9 июня Черчилль инструктирует британского посла в США: «Если бы Великобритания пала в результате вторжения, то прогерманское правительство могло бы добиться от Германии гораздо более легких условий, выдав флот, что превратило Германию и Японию в хозяев Нового Света... именно так оно бы поступило и, пожалуй, не могло бы поступить иначе. Президент должен ясно осознать это. Вы должны говорить с ним в этом духе и, таким образом, рассеять беззаботное предположение Соединенных Штатов, что они сумеют в результате проводимой ими политики подобрать обломки Британской империи». Прямым следствием разъяснения английского правительства явился повышенный интерес США к судьбе британских детей. Из чисто альтруистических побуждений, объясняла американская печать, Соединенные Штаты принимали все больше и больше детей из Англии, спасая их от ужасов бомбардировок. По-иному рассуждали в американском правительстве. Там опасались, что английские моряки не приведут свои корабли в США в случае капитуляции Англии. Тогда, на заседании кабинета, — записывает 4 августа в дневнике Икес, — «я указал, что чем больше английских детей мы вывезем к себе, тем больше будет у нас заложников и тем большим будет желание англичан прислать нам свой флот. Президент согласился, что это мудрое предложение».

Напрасно английское правительство пыталось убедить США, что нельзя обуславливать передачу эсминцев какими-либо материальными уступками с другой стороны. Напрасно Черчилль просил, как он выражался, своего «хорошего друга» — Рузвельта передать эсминцы в качестве великодушного подарка, дабы продемонстрировать миру узы, связывающие англосаксонский мир. В Вашингтоне остались непреклонными к мольбам англичан, государственный департамент разъяснил, что условия конституции делают «совершенно невозможным» передачу эсминцев в качестве подарка. После долгих споров 2 сентября было подписано англо-американское соглашение о передаче 50 эсминцев в обмен на аренду 8 баз в британских владениях в западном полушарии сроком на 99 лет. США получали базы на Ньюфаундленде, Бермудских и Багамских островах, Ямайке, островах Антигуа, Санта-Лючия, Тринидад и в Британской Гвиане. Эсминцы, переданные Англии, уже были списаны из состава американского флота. Это были корабли постройки времен первой мировой войны, подлежащие продаже на слом по 4—5 тыс. долларов каждый. Таким образом, констатировал президент в письме председателю сенатского комитета по военно-морским делам, за корабли, «находящиеся при последнем издыхании», общей стоимостью в 250 тыс. долларов США получают 8 баз в британских владениях в западном полушарии. Использование этих 50 эсминцев в тех критических обстоятельствах принесло некоторую помощь Англии, хотя до конца года удалось переоборудовать и использовать только 9 кораблей. Английское правительство, однако, было довольно не военными выгодами соглашения, которые были невелики, (Капитан британского военно-морского флота Д. Макинтайр, прославившийся в борьбе с подводными лодками в Атлантике, с большой долей иронии вспоминает об американской помощи английскому флоту и на позднейших этапах войны. В США впоследствии строились эсминцы, получившие название «британские эскортные миноносцы», которые передавались Англии. «Основная слабость этих кораблей, — пишет Макинтайр, — заключалась в несовершенстве их артиллерии. Я до сих пор не могу понять, где американцы отыскивали короткоствольные 75-миллиметровые мушкетоны, которыми были вооружены эти корабли. Помнится, в шутку мы окрестили их слоновыми ружьями. Они выпускали один снаряд в минуту. Я подозреваю, что он целиком состоял из стали и не был начинен взрывчатым веществом. Единственный раз мы из злости открыли огонь из этих мушкетонов, но снаряды отскакивали от цели не взрываясь. Эскортные миноносцы, которые американцы предназначали для своего флота, были вооружены 127-миллиметровыми пушками — оружием иного класса:») а тем, что, подписав его, США

сделали решительный шаг к участию в войне на стороне Англии. По существу со 2 сентября 1940 г. США становились невоюющим союзником Англии.

Завершение формирования блока агрессоров. Подписание Тройственного пакта

Успехи гитлеровской Германии — крах Франции, безвыходное, как казалось, положение Англии — вызвали острую тревогу у Японии и не потому, что японские милитаристы не желали окончательного разгрома противников держав «оси», а потому, что в Токио опасались опоздать к разделу британских владений. Сиге-мицу так описывает обстановку: «Если Япония будет стоять в стороне, сложив руки, английские колонии перейдут в руки немцев. Японии придется еще хуже, чем до войны. Дальний Восток окажется под германским контролем, а немцы не слишком церемонятся. Тех, кто раньше соглашался с Германией, охватила паника, когда они думали о последствиях германских побед. Они не могли успокоиться, пока Япония не заключит своевременно пакта с Германией о разделе сфер влияния после войны... Им была ненавистна сама мысль, что Япония может не поспеть на автобус». Японское правительство, рассчитывая на скорое торжество Германии в Европе, форсировало оформление Тройственного пакта. Это соответствовало видам Германии: договоренность с Японией создавала угрозу Советскому Союзу и нейтрализовала США в Европе.

27 сентября 1940 г. в Берлине был подписан Тройственный пакт. Япония признала «руководящую роль Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе», Германия и Италия взяли аналогичное обязательство в отношении роли Японии в Азии. Три агрессора договорились оказывать друг другу политическую, экономическую и военную помощь для достижения своих целей. Так завершилось формирование агрессивного блока, начало которому положил «Антикоминтерновский пакт» еще в 1936 г. Отныне угроза человечеству неизмеримо возросла. Пожар войны полыхал в Европе, с каждым днем надвигался военный конфликт на Дальнем Востоке. Однако свободу действий агрессоров против своих империалистических соперников по-прежнему сковывало существование Советского Союза. Именно этот фактор не позволил Германии нанести сокрушительный удар Англии на других театрах войны. Между тем осенью 1940 г. гитлеровское руководство вынашивало дерзкие планы, связанные с использованием в войне Испании против Англии.

Франкистская Испания домогалась принять участие в войне на стороне Германии. Еще 12 июня Испания объявила, что она не «нейтральная», а «невоюющая» страна. 19 июня Франко официально поставил в известность Германию, что Испания готова вступить в войну на условиях получения Гибралтара, Французского Марокко, провинции Оран в Алжире и расширения испанских колоний. Ответа из Берлина не последовало, территориальные претензии франкистов не совпадали с гитлеровскими планами «нового порядка» в Европе. 22 сентября Франко пишет Гитлеру: «Ваши уважаемые идеи удовлетворяют наши желания... Я заверяю вас в моей неизменной и искренней верности к вам лично, германскому народу и делу, за которое вы сражаетесь. Я надеюсь, что в борьбе за это дело наши армии сумеют вскоре восстановить узы товарищества». Однако для гитлеровского руководства вступление Испании в войну было лишь второстепенным фактором и целесообразность его зависела от осуществления более широких планов. Неопределенность в воздушной и морской войне против Англии побудила германское командование заняться изучением иных путей нанесения ей поражения. Геринг отстаивал

широкий охватывающий маневр, чтобы полностью изгнать англичан из бассейна Средиземного моря. Для этого намечалось использовать три группы армий: одна нанесет удар через Испанию, захватит Гибралтар, а затем двинется через Марокко к Тунису, вторая через Италию двинется в Триполитанию, а третья — через Балканский полуостров и Турцию к Суэцкому каналу. «Когда окружение будет успешно завершено, — объяснил Геринг, — нужно предложить Англии право мирного судоходства через Средиземное море, если она согласится договориться с Германией и присоединится к нам в войне против России».

План Геринга встретил поддержку командования армии. 12 ноября Гитлер отдал директиву о проведении операции «Феликс», важной составной части обширного плана Геринга, — взятия Гибралтара. Однако осуществление ее задержалось — Франко настаивал на немедленных территориальных компенсациях, Гитлер соглашался передать Испании французские территории, но тогда, когда режим Виши будет компенсирован за счет британских владений. Франкисты заподозрили попытку делить шкуру еще не убитого медведя, Гитлер, в свою очередь, заметил, что французские войска смогут оборонять свое Марокко от англичан лучше, чем испанцы «с их темпами, показанными в гражданскую войну», и т. д. Но спор этот не имел существенного значения: подготовка к войне против СССР в ближайшие недели не только привела к отклонению плана Геринга, несмотря на его очевидные стратегические преимущества, но и к отказу от локальной операции «Феликс». Масштабы предстоящей войны с СССР требовали всех ресурсов. Это сказывалось даже на самых незначительных операциях в иных районах. Так, когда в начале 1941 г. германский флот предложил захватить Мальту, являющуюся бельмом на глазу для держав «оси» в Средиземном море, Гитлер ответил: «Эта операция планируется на осень 1941 г., после завершения Барбароссы» (войны с СССР). В результате Советский Союз, еще не участвовавший в войне, не только спас Англию от вторжения, но избавил ее от осложнений на всех других театрах военных действий.

Нападение Италии на Грецию. Война в Африке

Итальянские фашисты с растущей завистью наблюдали за успехами гитлеровцев. Муссолини постоянно повторял: «Унизительно сидеть со сложенными руками, когда другие пишут историю». Когда в сентябре 1940 г. гитлеровские войска, готовясь к войне против СССР, вступили в Румынию не только без консультации, но и без предварительного уведомления Италии, Муссолини решил действовать — гитлеровская Германия подбиралась к Балканам, которые итальянские фашисты рассматривали сферой собственных интересов. В Риме принимается решение захватить Грецию. Муссолини заметил при этом: «Мы оплатим Гитлеру его же монетой. Он узнает об оккупации Греции из газет. Так будет восстановлено равновесие между нами». 28 октября 1940 г. итальянские войска вторглись в Грецию, но греческий народ поднялся на защиту своей родины. Итальянские войска уже в ноябре были выброшены из Греции, и борьба была перенесена на территорию Албании. Неудачи в Греции вызвали трения между Германией и Италией. 20 ноября Гитлер, упрекая Муссолини в несвоевременности нападения на Грецию, писал ему, что прямым последствием отпора греков явилось отклонение Болгарией и Югославией приглашения присоединиться к Тройственному пакту и вообще в мире «определенно усилились позиции тех... кто утверждает, что последнее слово в этой войне еще не сказано». В Берлине срочно занялись изысканием путей поднять престиж держав «оси». Хотя все силы Германия сосредоточила против СССР, пришлось также обсудить вопрос о проведении кампании на Балканском полуострове.

В Африке военные действия также не снискали лавров итальянским фашистам. Италия объявила войну Англии 10 июня, но наступление итальянских войск на Египет задерживалось — Муссолини определил, что оно начнется в тот день, когда «первый взвод немецких солдат вступит на английскую землю». Этого не случилось, тогда было принято решение все равно наступать, ибо, если бы гитлеровцы начали мирные переговоры с Англией, считали в Риме, Италия не могла в них участвовать, не дав ни одного сражения англичанам. 13 сентября итальянские войска вступили в Египет и продвинулись на 80 км от границы, где и остановились. Из Англии на Средний Восток были срочно отправлены подкрепления, в самой метрополии осталось не более 250 танков. Как считает ряд буржуазных историков, английское правительство смогло пойти на такой риск в разгар «битвы за Англию» только потому, что знало о решении Гитлера оставить Британские острова в покое и начать войну против СССР. 7 декабря английские войска нанесли контрудар. Они значительно уступали противнику по силам и преследовали ограниченные цели. Контрнаступление ввиду слабого сопротивления противника неожиданно для самих англичан переросло в длительную кампанию, в ходе которой к февралю

1941 г. было захвачено 130 тыс. пленных, а англичане далеко углубились в Ливию. Одновременно начав в декабре 1940 г. наступление в Эфиопии, английские войска в мае 1941 г. очистили эту страну от итальянцев. Победа сама по себе была внушительна, но еще более важным было то, что удалось отвести угрозу, нависшую над Суэцким каналом.

Принятие основополагающей англо-американской стратегии в войне

В ноябре 1940 г. Рузвельт преодолел критический рубеж — на выборах он был избран третий раз президентом США. Отныне, имея перспективу четырех лет пребывания у власти, его правительство могло спокойнее относиться к иступленной кампании «изоляционистов». Хотя во время избирательной кампании Рузвельт и руководство демократической партии клялись, что США не будут вовлечены в войну, а американские юноши никогда не будут посланы за океан, с конца 1940 г. англо-американские отношения приобретают характер союза. На пресс-конференции 17 декабря Рузвельт привел наглядный пример: «Представьте себе, что загорелся дом моего соседа, а у меня на расстоянии 400—500 футов от него есть садовый шланг. Если он сможет взять мой шланг и присоединить к своему насосу, то я смогу помочь ему потушить пожар. Что же я делаю? Я не говорю перед операцией: «Сосед, этот шланг стоит мне 15 долларов, тебе нужно заплатить за него 15 долларов». Нет! Какая же сделка совершается? Мне не нужны 15 долларов; мне нужно, чтобы он возвратил мой шланг после того, как потушен пожар». 29 декабря в традиционной речи по радио — «беседе у камелька» он заявил: «США должны стать «арсеналом демократии», ибо с нацистами ни одна страна не может жить в мире». В январе 1941 г. в конгресс был внесен законопроект ХР-1776 (цифра намеренно совпадала с датой — 1776 г. — провозглашения Декларации независимости США): в интересах обороны США предлагалось давать займы или в аренду вооружение противникам Гитлера (ленд-лиз). Ярый изоляционист сенатор Уилер немедленно заявил: ленд-лиз означает «свежевырытую могилу для каждого четвертого американского парня». Начало предвещало мало доброго. «Изоляционисты» прекрасно знали, что 90% американского народа не желают вступления в войну, хотя сочувствуют жертвам агрессии.

Соблюдения обычной военной тайны в англо-американских штабных переговорах, открывшихся 29 января 1941 г. в Вашингтоне, оказалось поэтому недостаточным: нужны

были дополнительные меры предосторожности — против зорких аргусов в собственной стране. Разглашение факта переговоров неизбежно сорвало бы принятие ленд-лиза в конгрессе. Высокопоставленные британские офицеры прибыли в США в штатском, а делегация носила невинное название — «технических советников английской закупочной комиссии». Сведения о переговорах не просочились в печать, и это избавило правительство Рузвельта от необходимости публичного объяснения с «изоляционистами». Тогда пришлось бы раскрыть сокровенные замыслы правящих кругов США — воевать до последнего британского солдата. В директиве Рузвельта от 16 января 1941 г. американской делегации прямо указывалось: «Мы должны сделать все возможное, чтобы непрерывно снабжать Великобританию, главным образом с той целью, чтобы сорвать основной замысел Гитлера о вовлечении США в войну в данный момент, а также для того, чтобы подбодрить Великобританию». Советники президента особо предупреждали американскую делегацию, чтобы она не шла на поводу у англичан: «Мы не можем себе позволить вручить судьбу нашего государства английскому руководству, да и не нуждаемся в этом... Англичане никогда не упускают из виду свои послевоенные интересы — коммерческие и военные. И мы также должны в конечном счете заботиться о своих собственных интересах». В результате принятый совещанием основополагающий стратегический план «АБС-1» был англо-американским по названию («АВС» — от начальных букв английского названия — «американо-британские переговоры»), а на деле отражал главным образом американский взгляд на стратегию второй мировой войны. Этот план определял стратегические цели США и Англии на протяжении всей войны и не претерпел до победы над Японией каких-либо существенных изменений.

Хотя в плане исследовалась гипотетическая ситуация, что США «вынуждены» принять участие в войне, но организационные меры подлежали немедленному претворению в жизнь. Основная мысль плана «АБС-1»: враг номер один — Германия, и ей предстоит нанести поражение в первую очередь. Отсюда делался вывод — сосредоточение военных усилий США и Англии на европейском театре и в Атлантике. Концентрация американских сил в Северной Атлантике высвобождала британские войска для отправки подкреплений на Средний и Дальний Восток. Принятие принципа «Германия враг № 1» было здравым с военной точки зрения, ибо там и лежал центр тяжести второй мировой войны. Что касается Японии, то было решено, что в случае вступления ее в войну боевые действия на Тихом океане будут носить оборонительный характер. Лишь после разгрома европейских держав «оси» надлежит расправиться с Японией. Иными словами Дальний Восток и Тихий океан признавались второстепенными театрами войны. США категорически отказались послать туда свои силы для обороны Британской империи. Настойчивые предложения англичан направить американскую эскадру в Сингапур натолкнулись на категорический отказ. Аргументация американцев в военном плане представлялась безупречной: отправка крупных контингентов из США на Дальний Восток поставит под угрозу выполнение первоочередной задачи — разгрома Германии. Но в сущности в основе этой позиции США лежало стремление остаться пока в стороне от неизбежной войны на Дальнем Востоке, воевать чужими руками.

План «АБС-1», определивший стратегические цели, не конкретизировал военных операций на суше. Больше того, правительство США не утвердило плана, и формально он ни к чему не обязывал Вашингтон. Руки США были по-прежнему развязаны, и они могли в любой момент отказаться от плана «АБС-1» в свете «последующих событий». Английское правительство, напротив, без промедления утвердило его.

Тем временем закон о ленд-лизе преодолевал яростное сопротивление «изоляционистов» в обеих палатах конгресса. Нашлись противники его и в самом американском правительстве. Вице-президент Гардинг заметил на заседании кабинета: «Англичане на

голову населения самый богатый народ в мире, если они заботятся о собственной свободе, то пусть распродадут все». Но Рузвельт напомнил: «Мы доили английскую корову финансов, у которой когда-то было много молока, но теперь она выдоена почти до конца». В самом деле: Англия выплатила США уже более 4,5 млрд. долларов. Когда платежи задерживались, США не слишком церемонились с взысканием средств: так по распоряжению президента в Кейптаун был направлен американский военный корабль, чтобы забрать все золото, добытое там. Хотя по просьбе американского правительства англичане продали по низкой цене предприятия фирмы «Кортолдс», они были тут же перепроданы по гораздо более высокой цене через биржу и т. д. Англия уже находилась на грани истощения своих золотых и долларовых резервов. От внимания американского правительства не ускользнуло и предупреждение Черчилля о будущих последствиях этого, сделанное в письме президенту 8 декабря 1940 г.: «Хотя мы будем прилагать все усилия и пойдем на всяческие жертвы, чтобы платить, я полагаю, что вы согласитесь, что было бы в принципе неверно и фактически взаимно невыгодно, если бы в разгар этой борьбы Великобритания лишилась бы всех своих активов и оказалась раздетой до нитки после того как победа будет куплена нашей кровью».

11 марта 1941 г. закон о ленд-лизе вступил в силу. Он был принят 60 голосами против 35 в сенате, 260 против 165 — в палате представителей.

В преамбуле закона указывалось, что США будут предоставлять помощь другим государствам, так как их сопротивление агрессии «жизненно важно для обороны Соединенных Штатов». С каждым государством — получателем помощи по ленд-лизу — США подписывали двустороннее соглашение, по которому Соединенным Штатам оказывалась обратная материальная помощь. Зачастую предоставление американской помощи сопровождалось условиями, не относившимися к задачам борьбы против агрессоров, а накладывавшими обременительные обязательства на получателя в послевоенный период. По духу американско-английского соглашения о ленд-лизе Англия, например, фактически отказывалась от системы имперских преференций. Даже реакционный американский историк Т. Бейли пишет: «Правительство США предложило ленд-лиз не потому, что Британия заслуживала нашей помощи, а действуя из чисто эгоистических соображений. Мы посылаем оружие в Англию, англичане продолжают сражаться, а мы можем остаться в стороне. Мы дадим возможность Британии воевать (нашим оружием) до последнего англичанина, а тем временем останемся нейтральными и будем процветать». На первое время для оказания помощи по ленд-лизу было ассигновано 7 млрд. долларов.

Захват гитлеровской Германией Греции и Югославии

Готовясь к войне против Советского Союза, гитлеровская Германия вовлекала в агрессивный блок все новые и новые страны. В октябре 1940 г. к Тройственному пакту присоединилась Румыния, в ноябре — Венгрия, 1 марта 1941 г. — Болгария. Антинародные правительства этих стран обязались сотрудничать с Германией и предоставили свои страны в распоряжение гитлеровских вооруженных сил. Дело оставалось за двумя государствами Балканского полуострова — Грецией и Югославией. Народ первой бросал вызов державам «оси», оказывая сопротивление фашистской Италии. Англия решила использовать итало-греческую войну, чтобы создать фронт на Балканском полуострове. С 7 марта 1941 г. в Греции был высажен небольшой британский экспедиционный корпус. Гитлеровцы разработали операцию «Марита», чтобы прийти на помощь своему итальянскому союзнику и захватить Грецию. С марта 1941 г. вдоль греко-

болгарской границы стали сосредоточиваться германские войска. Что касается Югославии, то в Берлине первоначально намечалось вовлечь ее в блок агрессоров «мирным путем». 25 марта 1941 г. югославское правительство тайком от народа присоединилось в Вене к Тройственному пакту. Но как только известия об этом достигли страны, последовал взрыв народного негодования. 27 марта правительство было сметено, по улицам Белграда проходили демонстрации под лозунгами «Лучше война, чем пакт!», «За союз с Россией!». Было создано новое королевское правительство Симовича, которое отказалось ратифицировать пакт, хотя и не аннулировало его.

27 марта Гитлер отдал «директиву № 25» — о захвате Югославии, что являлось не самоцелью, а входило составной частью в непосредственную подготовку к войне против СССР. На совещании 27 марта в имперской канцелярии в Берлине германские командующие были информированы так: «Главная цель нападения на Югославию... при реализации плана «Барбаросса» оставить свободным правое плечо». 6 апреля гитлеровская Германия напала на Югославию и Грецию. Вместе с германскими армиями действовали итальянские, венгерские и болгарские войска. По личному приказу Гитлера Белград подвергся беспощадной бомбардировке, осуществлялась операция «Кара». Берлинское радио объявило, что цель Германии — окончательно изгнать Англию с континента Европы. Против Греции и Югославии агрессоры бросили 71 дивизию, из них 46 — германских. Противостоявшие им силы были несоизмеримо слабее. Основной удар гитлеровцы нанесли с территории Болгарии в направлении Ниш и Скопле. Германские танковые дивизии прорвали югославские линии и 10 апреля установили контакт с итальянскими войсками в Албании. Германо-венгерская группировка, вторгшаяся с севера, 12 апреля заняла Белград. Остатки югославской армии в беспорядке отступили к Сараево, где 17 апреля капитулировали. Правительство Симовича вместе с королем бежало из страны. Гитлеровское командование, сокрушившее превосходящими силами югославскую армию, оценило кампанию как военный парад. Однако трудности захватчиков только начинались: поражение королевской армии было не концом, а началом сопротивления югославского народа. В стране с первых дней оккупации возникает партизанское движение.

Наступление на Грецию германские войска также начали с территории Болгарии, по долине реки Струмы в направлении Салоник. Прорыв германских дивизий после непродолжительных боев на этом участке привел к их выходу в тыл основной группировке греческих войск, сражавшихся в Эпире против итальянцев. Они так и не успели отойти и 21 апреля капитулировали. Остатки греческой армии и британский экспедиционный корпус откатывались к портам Пелопоннеса, где поспешно грузились на суда. 27 апреля германские войска вступили в Афины, в ночь на 28 апреля последние греческие и английские солдаты были эвакуированы. Из 53 тысяч человек британского экспедиционного корпуса была вывезена 41 тысяча. 20 мая немцы высадили парашютные десанты на Крит и после ожесточенных боев к 1 июня захватили остров. Одновременно с кампанией на Балканском полуострове развернулось наступление держав «оси» в Северной Африке, в котором приняли участие прибывшие туда германские войска под командованием Роммеля. Англичане потерпели серьезное поражение и к 12 апреля, когда прекратилось наступление Роммеля, были далеко отброшены на территорию Египта. Над Суэцким каналом и позициями Англии на Среднем Востоке нависла угроза.

Новые победы Германии вызвали глубокое уныние в Лондоне. Был поставлен вопрос о вотуме доверия правительству Черчилля. В парламенте 7—8 мая состоялись прения, во время которых представители правительства доказали, что было сделано все возможное. За вотум доверия было отдано 443 голоса, против 3. Поддержка парламента была силой, но только моральной, а Англии недоставало материальной, чтобы выстоять. 4 мая 1941 г.

Черчилль пишет Рузвельту: «Если сейчас или в самом ближайшем времени вы не сможете занять более активную позицию, соотношение сил может резко измениться не в нашу пользу. Я уверен, г-н президент, что вы не поймете дурно, если я выскажу вам все, что у меня на душе. Единственно, что, на мой взгляд, может решающим образом нейтрализовать растущий пессимизм в Турции, на Ближнем Востоке и в Испании, это немедленное присоединение к нам Соединенных Штатов в качестве воюющей державы». Так представлялась английскому правительству обстановка в мае 1941 г. Спустя 16 лет в книге «Большая стратегия», входящей в официальную историю участия Англии в войне, проф. Дж. Батлер писал: «Тобрук, Сирия, Малайя, битва за Англию и тем более операция «Морской лев» немецкое верховное командование теперь особенно не интересовали. Оно было занято другой, более важной задачей. Сейчас можно лишь с улыбкой сопоставлять переписку между Каиром и Лондоном по вопросу об изыскании одной бригадной группы для каких-либо важных действий с немецкими директивами об использовании 100 или больше дивизий на Восточном фронте».

Завершение подготовки Германии к нападению на СССР

Балканская кампания хотя и отвлекла некоторые силы Германии, не оказала влияния на размах и сроки подготовки войны против СССР. Операции против Греции, и Югославии не помешали сосредоточить основные контингента гитлеровских вооруженных сил на подступах к границам нашей страны. Уже с 14 апреля начинается отвод германских дивизий с Балканского полуострова. Что касается сроков нападения на Советский Союз, то они зависели главным образом от общей готовности гитлеровских армий и условий погоды. Бывший гитлеровский генерал Блюментритт пишет: «Цели бы даже и не было Балканской кампании, все равно начало войны с Россией, очевидно, пришлось бы отсрочить, так как в 1941 г. оттепель наступила поздно», 5 декабря 1940 г. намечалось начать войну «в конце мая», затем срок перенесли на 15 мая. 24 января в докладе о положении с горючим указывалась дата 1 июня. Наконец, 7 апреля была определена дата 22 июня. Окончательно это решение было утверждено 30 апреля. Вооруженная борьба в Греции, на Крите и в Северной Африке, война на море и в воздухе стратегически не имели никаких последствий для нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Составление «плана Барбароссы» — войны против СССР — началось с конца 1940 г. В ноябре — декабре предварительные наброски были проверены во время оперативной игры в генеральном штабе сухопутных сил в Цоссене. Германское командование считало, что война против СССР займет 3—4 месяца. 18 декабря 1940 г. Гитлер издал директиву № 21 о «плане Барбароссы». Основная цель: «Немецкие вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию... Конечной целью операции является отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск—Волга. Таким образом, в случае необходимости остающаяся у России последняя промышленная область на Урале может быть парализована с помощью авиации». Гитлеровское руководство самоуверенно считало, что удар германских вооруженных сил быстро положит конец существованию Советской страны. Бесноватый фюрер говорил Йодлю, что СССР будет разгромлен менее чем за полгода. Эти расчеты строились на песке: начиная войну против Советского Союза, германское командование плохо знало противника. Как признавал впоследствии битый гитлеровский генерал Гальдер: «В нашем распоряжении были трофейные документы Голландии, Бельгии, Греции, Югославии и даже французского генерального штаба. Однако ни одна из этих стран не была лучше информирована, чем мы. Сведения о приграничных войсках были в основном правильны, но мы не имели никаких сведений о

потенциальных возможностях этого громадного государства». 11 июня 1941 г. Гитлер даже подписал директиву № 32 — «Подготовка к периоду после осуществления операции «Барбароссы». В ней указывалось, что для оккупации Советского Союза после его разгрома достаточно 60 дивизий и одного воздушного флота. Намечались направления дальнейших ударов: на Средний Восток через Закавказье, из Ливии через Египет, из Болгарии через Турцию. Планировалось захватить Гибралтар и провести вторжение на Британские острова.

В документах, подготовленных гитлеровским руководством перед войной с Советским Союзом, подчеркивался особый характер борьбы — двух противоположных идеологий. Оперативная директива верховного командования от 13 марта 1941 г. гласила «В районах операции на рейхсфюрера СС от имени фюрера возлагаются особые задачи для подготовки организации политической администрации. Эти задачи вытекают из необходимости проведения борьбы между двумя противоположными политическими системами». Кроме того, исполнительная власть в оккупированных районах могла передаваться командующим группам армий и командующим армиями. Тем самым поголовно на всю гитлеровскую армию возлагалось выполнение человеконенавистнических целей фашистского режима — не только уничтожение партийных, советских работников и представителей советской интеллигенции, но и физическое истребление народов нашей страны. В Берлине были разработаны детальные планы экономического ограбления СССР. Гитлеровские главари в случае успеха своих захватнических планов готовили голодную смерть для многих миллионов советских людей.

Для нападения на Советский Союз гитлеровцы предназначили 153 немецкие дивизии, что в количественном отношении составляло около 75% состава действующей армии. «Фактически же, — пишет бывший гитлеровский генерал Мюллер-Гиллебранд, — это была значительно большая часть боевой мощи, так как остальные 56 дивизий, как правило, не представляли собой полноценных соединений... Усилия главного командования сухопутной армии были направлены на то, чтобы сосредоточить все имевшиеся силы на решающем театре военных действий против Советского Союза, не считаясь с трудностями и угрозами, которые в результате этого могли возникнуть на других театрах войны». Кроме того, против СССР использовались силы сателлитов Германии — Финляндии, Венгрии, Румынии и Словакии, которые выставили войска, эквивалентные 37 дивизиям. Таким образом, всего против СССР было использовано в начале войны 190 дивизий. К 22 июня 1941 г. германские вооруженные силы находились в зените своего могущества. Они насчитывали 7234 тыс. человек личного состава во главе с опытным генералитетом. Германская армия, авиация и флот были полностью отмобилизованы, получили боевой опыт. Молниеносные кампании с 1 сентября 1939 г. обошлись германским войскам чрезвычайно дешево — общие потери к моменту нападения на СССР (включая несчастные случаи) составили 93,7 тыс. человек убитыми. Для сравнения можно указать, что в первый год войны против СССР среднемесячные потери только германских сухопутных сил в среднем равнялись 165 тыс. человек.

Военная машина гитлеровской Германии использовала ресурсы всех оккупированных стран. Много это или мало? Вот некоторые основные цифры: на подготовку к войне в 1933—1939 гг. Германия затратила 90 млрд. марок. С сентября 1939 по июнь 1941 г. в оккупированных странах было захвачено сырьё, промышленного, транспортного оборудования и других ценностей на 128 млрд. марок. Станочный парк Германии в 1940 г. насчитывал 1 178 тыс. станков (в США—942 тыс., в Англии—700 тыс.). По некоторым данным, в 1942 г. продукция, полученная из оккупированных областей, на 22% превысила производство в самой Германии. Один только пример: в канун войны с Советским

Союзом 92 гитлеровские дивизии были в основном оснащены французскими автомашинами. Кроме этого, все без исключения нейтральные государства Европы— Швеция, Швейцария, Испания, Португалия, а также Турция — послушно выполняли германские заказы, поставляя как промышленные товары, так и сырье, последнее иной раз поступало через них из заморских стран, формально отрезанных от Германии британской блокадой. На Советский Союз была обрушена совокупная экономическая и военная мощь всей континентальной Европы.